

Г.Н. Кузьменко

В ПОИСКАХ «СКРЫВШЕГОСЯ ОТШЕЛЬНИКА».

Научный детектив по материалам новеллы

Пу Сунлина «Смешливая Ин Нин» (XVII в.).

Оглавление

Введение

Шаг №1. Знакомство со смешливой Ин Нин. Каким образом происходит встреча главных героев?

Шаг №2. Загадка судьбы Ин Нин. Почему Ин Нин покинула обычный мир и оказалась в горной деревушке?

Шаг №3. Ин Нин и родовая элита. Каков истинный социальный статус сказочной девы?

Шаг №4. Священное, как тайное. Почему горная деревушка, в которой жила Ин Нин, заколдована?

Шаг №5. Условный центр мира. Что скрывается за описанием горной деревушки?

Шаг № 6. Учителя магии. Кто такая бабушка смешливой Ин Нин?

Шаг № 7. От заката до рассвета. Чему учат в заколдованной деревне?

Шаг № 8. Ученица магической школы. Была ли волшебницей сама смешливая Ин Нин?

Шаг № 9. В поисках супруга. Почему смешливая Ин Нин появляется именно в том селе, где живет студент Ван?

Шаг № 10. Обряд инициации невесты. Почему Ин Нин не осталась со студентом Ваном сразу после того, как он в нее влюбился?

Шаг № 11. Испытание жениха. Почему студент Ван уходит на поиски смешливой Ин Нин?

Шаг № 12. Правящая пара. Почему образующие семейную пару смешливая Ин Нин и студент Ван - родственники.

Шаг № 13. Волшебное дитя. Что за ребенок рождается у смешливой Ин Нин?

Заключение.

Введение.

В заголовок настоящей работы вынесено словосочетание «скрывшийся отшельник». Оно взято прямо из текста фантастической новеллы «Смешливая Ин Нин», написанной известным китайским писателем XVII века Пу Сунлином. Указанным словосочетанием Пу Сунлин полувопросительно характеризует свою главную героиню, ее зовут Ин Нин. Это жизнерадостная деревенская девушка, которая стала хорошей женой главному герою произведения. Автор относится к ней с явной симпатией. И вдруг, подыскивая определение, которое прояснило бы суть этого персонажа, он неожиданно пишет: «Да, наша Ии Нин - уж не отшельник ли, скрывшийся в смехе»?

Данный вывод Пу Сунлин делает в конце новеллы, в так называемом «Послесловии рассказчика». Следует отметить, что в своих новеллах Пу Сунлин часто прибегает к приему «Послесловия...». Очевидно, что писатель использует такой прием, чтобы акцентировать внимание на главном в своих фантастических историях. При этом новеллы, какими бы фантастическими они ни были, совсем не личные выдумки писателя. Они есть авторская переработка богатого народного наследия, корнями уходящего в древний мифологический пласт. Пу Сунлин - «блестящий стилист» народного эпоса. Именно так назвала китайского писателя первая «Литературная энциклопедия» СССР (1929 – 1931 гг.) [23]. Творчеством Пу Сунлина можно иллюстрировать живучесть древних мифологических сюжетов. Именно так считают современные китайские ученые, например, в фундаментальном труде «История китайской мифологии» [20].

Есть особый тип писателя, расцвет которого пришелся на начало Нового времени. С одной стороны, это человек, любящий народное творчество, и с этой любовью воспроизводящий его в тексте. С другой стороны, это человек, который не боится внести в пересказ свое понимание и сюжетной линии, и поступков персонажей. А в конце произведения сделать краткое нравоучи-

тельное резюме в стиле: «Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок» (А.С. Пушкин). Из известных писателей этого типа мы можем назвать, например, итальянца Дж. Страпаролу, французов Ш. Перро и Ж.-М. Лепренс де Бомон, русских А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, других известных авторов из разных стран. К этой почтенной кампании можно отнести и китайца Пу Сунлина. Его, так называемые, новеллы, благодаря мастерству своего исполнения, были высоко оценены и на его родине, и за рубежом.

Называя фантастические рассказы Пу Сунлина новеллами, мы стараемся придерживаться традиции определения этого острсюжетного литературного жанра. Этот жанр понимается как новаторская переработка старого или даже древнего, архаичного материала, тесно связанного с фольклором. В Китае такая переработка фольклора по канонам классической литературы началась достаточно рано, возможно, уже с III века. Она получила характерное определение - «рассказы об удивительном» («чжигуай сяошо»). Образованными людьми веками собирались и отшлифовывались небольшие по объему, вплоть до нескольких абзацев, изложения невероятных случаев. Как правило, это были рассказы о встречах человека с существами, презентующими собой «иной» мир: с колдунами, святыми, демонами или оборотнями. С каждым веком росло литературное качество этих произведений и сложность их исполнения. Творчество Пу Сунлина принято считать образцом китайской художественной новеллы с атрибутивным ей элементом фантастики. Получив блестящее образование и обладая развитым художественным вкусом, Пу Сунлин влил стихию народного творчества в тысячи своих произведений: стихотворений, рассказов и других жанров. Несущей конструкцией предпринятого им грандиозного литературного строительства стали несколько сотен новелл. Они вошли в сборник «Ляо чжай чжи и» («Повести о странном из кабинета Ляо»). Этот фантасмагорический и, одновременно, исполненный внутренней гармонии мир со временем сделал писателя знаменитым.

Одним полюсом сборника фантастических новелл «Ляо чжай чжи и» стал собирательный образ студента. Причем, это не обязательно молодой человек. В некоторых новеллах проходит десятилетие за десятилетием, а студент неизменно остается студентом. Это, так называемый «вечный», не сдавший экзамены студент, то есть непрактичный и неудачливый в обыденной жизни мечтатель. Другим полюсом сборника стал собирательный образ девы-волшебницы. Она юная и прекрасная, потому что она – мудрая. Отсюда и ее понимание несостоявшегося «ученого», и ее неординарные поступки, и, когда надо, ее действенная и щедрая помощь.

Ряд исследователей видит в создании Пу Сунлином такой влюбленной «ян-инь» пары явную автобиографическую проекцию. Так считал выдающийся советский ученый-востоковед первой половины XX века, академик АН СССР В.М. Алексеев, который посвятил много времени творчеству китайского писателя и стал одним из лучших переводчиков его произведений в Советском Союзе. Академик В.М. Алексеев отмечал то обстоятельство, что Пу Сунлин сам всю жизнь учился, безуспешно пытаясь получить достойную ученую степень. По мнению академика, китайский писатель «глубоко и остро чувствовал свое жалкое положение вечного студента, отравлявшее ему жизнь. И вот он призывает своим раненым сердцем всю фантастику, на которую только способен, и заставляет ухаживать за (выдуманым им)¹ студентом ... прекрасных фей» [1].

Можно согласиться с такой точкой зрения. Однако, она недостаточна для понимания многогранного творчества Пу Сунлина. На наш взгляд, чтобы глубже понять его смысл, следует прибегнуть не только к психологии или социологии, но и к философии. Пу Сунлин не просто зарисовщик странных бытовых историй, компенсирующий этим занятием прозу жизни. Это тонкий религиозный мыслитель. Он уверен, что за физической реальностью нахо-

---

¹ Здесь и далее круглые скобки в цитате обозначают ремарку Кузьменко Г.Н.

дится реальность иная, метафизическая. Может быть, отсюда, из интуиции тайны мира, вырастает любовь Пу Сунлина к фольклору. Ведь фольклор, несмотря на свою внешнюю простоту, перенасыщен магической символикой.

В таком широком культурологическом контексте и следует рассматривать вопрос, с которого начинается наше исследование. То есть, вопрос о «скрытом отшельничестве» простой деревенской девушки, который был озвучен Пу Сунлинем в новелле «Смешливая Ин Нин». Особо отметим - самой первой новелле фантастического сборника «Ляо чжай чжи и» (в русском переводе В.М. Алексеева). Напомним еще раз, что, описав романтическую историю знакомства, женитьбы и супружеской жизни студента Вана с веселой девушкой Ин Нин, в конце новеллы, в «Послесловии рассказчика» Пу Сунлин неожиданно спрашивает, кто же она на самом деле: «уж не отшельник ли, скрывшийся в смехе»?

Отшельник в китайской классической культуре достаточно прочно ассоциируется с носителем высшего знания. Знания, имеющего отношение к сверхъестественным основам мира, к религии. Иными словами, носитель такого знания - это мудрый человек: маг, жрец или святой. Если мы возьмем буддийский или даосский канон, к которому Пу Сунлин, несмотря на свое конфуцианское воспитание, совсем не чужд, то такая связь между уходом человека от обыденного мира и его самодостаточной мудростью проявится еще сильнее. Как же, зная это, можно сравнивать обычную необразованную деревенскую девушку с рафинированным интеллектуалом?

Однако, представляется, что писатель, несмотря на действительную наивность и простоту Ин Нин, совсем не считает ее обычной девушкой. Наоборот, он считает ее необычной девушкой. Проблема заключается в том, что сам Пу Сунлин как бы находится в замешательстве. Ведь в ходе повествования юная Ин Нин играючи демонстрирует явные магические способности. Читателю может показаться, что для писателя склонность девушки к колдовству есть склонность природная, вошедшая с бесовской кровью предков. Но,

если мы согласимся с таким подходом, то, безусловно, столкнемся с очевидным противоречием. Испытаем некий когнитивный диссонанс. Дело в том, что ассоциируемая с отшельничеством мудрость не может быть инстинктивным качеством, то есть, качеством, данным от рождения. Мудрость - это результат процесса обучения. Обучения, продолжающегося много лет. Чтобы стать знающим, человек должен иметь достойных учителей, должен получить соответствующее образование. Перед глазами писателя стояла изощренная система конфуцианского образования, к которой он сам имел прямое отношение. Кстати, главный мужской персонаж произведения, студент Ван, тоже проходит обучение в рамках этой системы. Согласно тексту новеллы, он с 14 лет вхож в «помещение полукруглого бассейна». То есть, студент Ван уже несколько лет проходит обучение в провинциальном училище. А вот где могла бы получить свое магическое образование Ин Нин, простая девушка из горной деревушки? В новелле мы прямой ответ на такой вопрос не найдем.

Проблема мудрости героини, которая могла бы озадачить Пу Сунлина, тем не менее, имеет решение. Найти его можно, если вспомнить, чем вдохновлялся китайский писатель в своем творчестве. Ведь героиня его новеллы, деревенская простушка Ин Нин, имеет отношение к уже упомянутому выше образу молодой и мудрой феи из фантастического мира «Ляо чжай чжи и». Мы хотим найти подлинные, то есть не природные, а социальные истоки мудрости, которую так явно демонстрирует Ин Нин. Следовательно, нам необходимо дойти до того фольклорного уровня, откуда автором был заимствован образ девы-волшебницы. Это основание в новелле «Смешливая Ин Нин», несмотря на авторское вмешательство Пу Сунлина, сохранилось достаточно хорошо. Речь идет об аутентичном массиве китайской народной сказки.

Феномен народной сказки сохранялся в Китае, да и в других странах мира на протяжении длительного времени. Происходило это благодаря осо-

бой культурной прослойке людей - сказочникам. Это древние сказочники. Они прячут от слушателя свое «Я» (и свою оценку рассказанному) и старательно повторяют услышанную ими когда-то речь. Поколение за поколением эти анонимные древние сказочники воспроизводили сказочные сюжеты. Тем самым, они высказывали не просто уважение к наследию предков, но, собственно, религиозное отношение к нему. Такое отношение было неслучайным. То, что мы сейчас называем фольклором, неотъемлемой частью которого является сказка, есть особое явление в культуре человечества. Это есть многократное (подобное эху), от эпохи к эпохе, отражение разветвленного комплекса ритуалов, регулирующего жизнедеятельность человека в глубокой древности. Таким образом, сказка - это искаженное временем описание священного действия, смысл которого за давностью лет уже не понятен ни рассказчику, ни слушателям.

Имена ученых, начавших впервые проводить анализ фольклорного материала в этом, казалось бы, неожиданном ракурсе, широко известны. В первую очередь, это ученые-фольклористы, надежно зафиксировавшие предания старины. В XIX веке в немецких княжествах это были братья Гримм, в России – А.Н. Афанасьев, в начале XX века в Китае – собиратели фольклора. Далее, следует упомянуть таких теоретиков фольклора как Дж. Фрезера, Л. Леви-Брюль, Е.М. Мелетинского и других. Упомянем и замечательного советского ученого В.Я. Проппа. Его произведение «Исторические корни волшебной сказки» (издано в 1946г.) стало классикой для мировой фольклористики. Оно подвело промежуточный итог зарубежным и отечественным исследованиям народного творчества. Оно, по справедливым словам академика АН СССР Б.А. Рыбакова, «...во всей широте поставило вопрос о первобытной эпохе как времени зарождения основных сюжетов и элементов сказки» [16].

Если брать во внимание китайскую фольклористику, то среди первых серьезных научных трудов по данной тематике следует упомянуть труд Сюй

Сюйшена «Легендарный период древней истории Китая» (издан в 1943г.). Эта работа создавалась также с учетом достижений современной автору мировой науки. Особое внимание Сюй Сюйшен обращает на возможность реконструкции с помощью мифа истории древнейших родоплеменных союзов на территории Китая. Таким образом, ученый видит в фольклоре отпечаток архаичной социальной практики [7].

Осознание учеными связи между фольклором и древним ритуалом оказалось очень продуктивным. Оно дало науке объективное основание для исследования народного творчества. Появился новый культурно-исторический инструмент, позволяющий ученым реконструировать архаичное миропонимание. Ценность такого инструмента обусловлена глубиной его проникновения в прошлое. Например, когда мы говорим о волшебной сказке, то, среди ученых распространено следующее мнение: эта сказка специфическим образом отражает ритуальную практику времен расцвета евроазиатской родовой общины. То есть, речь идет о событиях раннего неолита (до 6 – 8 тысяч лет назад). А, с учетом консервативности архаичной культуры, в отдельных своих фрагментах сказка может отражать поздний мезолит (до 12 тысяч лет назад и ранее).

Напомним, что родовая община в то далекое время – основная социальная единица архаичного общества. Она представляла собой большую, от нескольких десятков до сотен человек, группу родственников. Сама по себе, то есть, изолированно от соседей, родовая община не развивалась. Причина этого заключалась в запрете на инцест, то есть в запрете на близкородственные браки. Отсюда существование с древних времен так называемой «экзогамии» - практики внешних брачных связей.

Тем не менее, несмотря на экзогамные связи, степень автономности родовой общины была чрезвычайно высока. Фактически это был особый замкнутый мир. Жизнедеятельность родовой общины изначально осуществлялась на основе, так называемого, присваивающего хозяйствования: охота, рыбал-

ка, собирательство и так далее. Позднее в ее хозяйственную номенклатуру вошло земледелие и скотоводство. На хозяйственные отношения накладывались и другие отношения между близкими и дальними родственниками: пола, власти и так далее.

Отметим особо, что спецификой всех этих отношений в глубокой древности являлось их магическое понимание. Оно исходило из веры в особую, так называемую «сверхъестественную» реальность. Признание заслуг предыдущих поколений в разных областях жизни родовой общины оборачивалось для архаичного сознания признанием потусторонних истоков деятельности человека. Чтобы успешно продолжать эту деятельность, далее считалось необходимым получить разрешение (санкцию) предков, которые умерли в этом мире, но продолжают жить в мире «ином». На этом магическом понимании формировался разветвленный комплекс ритуалов. Этот комплекс ритуалов освящал любое социально значимое действие от рождения человека до его смерти. Формировалась и прослойка особых людей - шаманов (магов, колдунов, жрецов и т.д.), этот комплекс реализующий.

Мы упоминали о том, что понять образ Ин Нин без фольклора невозможно. Однако, с учетом древних истоков фольклора отмеченная выше проблема мудрости главной героини новеллы Пу Сунлина получает еще одно измерение. Можно предположить, что за этой героиней стоит не только образ аристократической Феи из народной сказки, которым воспользовался китайский автор. Сам сказочный образ юной волшебницы хранит в преображенном народной памятью виде некий исторический тип из архаичного общества. Речь идет о девушке, которая специально обучалась магии для проведения ритуалов, о молодой женщине-шамане, о юной жрице. Поэтому вызывает интерес развитие событий в фантастической новелле Пу Сунлина. В них, при посредничестве многовекового сказочного сюжета, для читателя может открыться подлинная историческая реальность. Реальность, тесно связанная с

жизнедеятельностью родовой общины времен неолита, в первую очередь, с ритуалами этой общины.

Подтверждению выдвинутой гипотезы и посвящена настоящая работа. Для удобства изложения материала она написана в стиле, близком к научно-популярному эссе. Поэтому она представляет собой не классическое научное исследование, а, скорее, «научный детектив». Наша задача заключается в следующем: опираясь на материалы текста новеллы «Смешливая Ин Нин» (а также на материалы китайского, русского и западноевропейского фольклора), используя достижения современной науки фольклористики и, наконец, привлекая исторические факты, ответить на озвученный Пу Сунлинем вопрос. А именно, действительно ли его героиня, молодая и смешливая Ин Нин, была когда то обучена глубоким магическим знаниям и умениям. Иначе говоря, действительно ли смешливая Ин Нин есть «скрывшийся отшельник»?

Пойдемте же последовательно к правильному ответу, делая в своем рассуждении один шаг за другим.

Шаг №1.

Знакомство со смешливой Ин Нин.

Каким образом происходит встреча главных героев?

Во всяком детективе должна быть интрига. Эта интрига тянет за собой всю цепочку расследования. Наш «научный детектив» мы начнем с обнаружения в тексте новеллы Пу Сунлина именно такой интриги.

Вообще, сюжет произведения «Смешливая Ин Нин» достаточно прост. Главный герой новеллы - студент Ван, молодой человек 17 лет. Однажды он случайно попадает на праздник, который отмечается на краю его родного села. Там он видит девушку. Девушка поражает студента Вана своей красотой. Но она никому в селе незнакома. После их встречи она исчезает в неизвестном направлении. Тем не менее, далеко в горах юноша находит деревню, где живет эта девушка. Он знакомится с ней (девушку зовут Ин Нин, ей 16 лет) и с ее родственниками. Далее студент Ван привозит Ин Нин к себе домой. После того, как чрезвычайно смешливая девушка понравилась его матери и остальным домочадцам, он женится на ней. Впоследствии оказывается (и становится семейной тайной), что смешливая Ин Нин – дочь человека и лисы. Она не чужда легкому колдовству. Однако, смешливая Ин Нин проявляет себя как любящая и добросовестная супруга. Она прекрасно вписывается в большой коллектив дома Вана и рождает ему сына. Вот, собственно, краткое содержание произведения.

Главная художественная прелесть новеллы Пу Сунлина заключается, конечно же, не только в ее незатейливом сюжете, который мы кратко пересказали. Прелесть новеллы в легком и изящном стиле ее изложения, в ее героях, характеры которых выписаны опытной рукой мастера. Однако, в данный момент для нас важно сосредоточиться именно на сюжете, так как он и является связующим звеном с далеким историческим прошлым.

Внимательное прочтение новеллы обнаруживает в ней особые моменты. Их можно назвать «странные случаи». На таких «странных случаях» плавное течение повествования чуть приостанавливается, как бы спотыкается. Происходит, кажется, вот что: рассказчик, не вполне понимает логику события, которое он описывает. Однако он оставляет это описание неизменными, хотя и дает ему при этом свою собственную интерпретацию. Отсюда и возникающее ощущение странности происходящего. Ведь настоящий смысл события неясен, а новый смысл, полученный от рассказчика, проблематичен. Следует признать, что в этом приеме есть своя изюминка, так как несколько несуразное объяснение автором произошедших в его произведении «странных случаев» поддерживает общую атмосферу волшебства в новелле. Для нас же важно отметить этот момент по другой причине: «странные случаи» особо ценны для науки фольклористики. Они есть маркеры подлинной реальности. Они, словно воронки в течении реки, указывают на места, где в сказочном повествовании скрывается настоящая история.

С одного из таких «странных случаев» и хотелось бы начать наше исследование. С ним мы сталкиваемся в самом начале новеллы. Этот «странный случай» происходит при встрече студента Ван с прекрасной девушкой на праздничных гуляниях. К этой замечательной встрече мы будем возвращаться не раз, поэтому давайте приведем этот отрывок дословно.

«К Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его с собой посмотреть на праздник. Только что вышли они за село, как ... У ушел, а Ван, видя, как «девы гуляют, словно тучи на небе», в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот он видит, что идет какая-то барышня (смешливая Ин Нин), держась одной рукой за прислугу, а другой теребя ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставившись на нее и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов и говорит, обратясь к служанке:

- Смотри, как у этого молодца горят глаза. Словно у разбойника!

Обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...».

Итак, происходит мимолетная встреча, которая оказалась судьбоносной для молодых людей. Вроде бы, хорошая завязка для начала новеллы. Но есть проблема. Дело в том, что встреченная студентом Ваном девушка - не местная. Кто она – никто не знает. Откуда она пришла на праздник и куда уходит после его окончания также никому неизвестно. Вану найти понравившуюся девушку в таких условиях невозможно. Иными словами, после этой случайной встречи обычная новелла должна была бы закончиться, так и не начавшись. Но ведь перед нами фантастическая новелла. В произведении неожиданно происходит поворот сюжета! Через несколько дней влюбленный Ван чудесным, иначе не скажешь, образом обнаруживает незнакомку в чрезвычайно далекой от его села деревушке, которая затерялась в горах.

Согласно Пу Сунлину, произошло следующее. Ван так сильно влюбился в случайно встреченную девушку, что серьезно заболел. Он был, как бы отравлен любовью к исчезнувшей красавице. Он «перестал говорить и даже есть». Мать Вана вполне обоснованно встревожилась. Она даже «позвала монахов, служила молебны». Однако, все было напрасно, «больному стало еще хуже - у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет скелетом». На поправку дело не идет. Как позднее признается сам студент Ван, от любовной болезни он чуть не перешел в потусторонний мир. К счастью, смерти удалось избежать. В гости к юноше навещается его старший родственник по имени У; это тот самый человек, который утащил его гулять на сельский праздник. Узнав в чем дело, он, с целью излечить студента Вана, обещает ему найти пропавшую девушку. Через некоторое время этот У появляется вновь. Отметим важную деталь: его поиски не увенчались успехом. С обыденной точки зрения это вполне закономерно, еще раз повторим: найти девушку невозможно. Однако У, не признаваясь студенту Вану в этом пе-

чальном обстоятельстве, решает потянуть еще время. Читаем, каким образом он это делает.

«У снова пришел, и студент кинулся к нему с вопросами: «Нашел девушку, кто она?»

У пришлось обмануть друга.

- Нашел! - сказал он. - Готово! Я-то думаю, кто такая, а оказывается - дочь моей тетки и твоя троюродная сестра. Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь родственникам неудобно вступать в брак, хотя, знаешь, по правде говоря, всегда это налаживается.

Студент так обрадовался, что у него даже брови поднялись, и спросил, где же она живет.

У продолжал врать:

- Там, в юго-восточных горах, верстах этак в пятнадцати отсюда».

Картина для читателя новеллы, казалось бы, ясна. Чтобы успокоить влюбленного молодого человека, родственник У его обманывает. Он срочно и поэтому как-то неправдоподобно выдумывает какую-то троюродную сестру, какую-то несуществующую деревушку в юго-восточных горах. Родственника У, если использовать глоссарий советского плутовского романа, «понесло». Врать, конечно, не очень хорошо, но оправдать поступок родственника У можно, ведь студент Ван от любви совсем плох. Перед нами – «ложь во спасение». И действительно, у ободренного таким способом студента Вана здоровье идет на поправку.

Что теперь будет, когда обман раскроется? Посмотрим, что происходит в новелле дальше. Шло время. Родственник У «под разными предлогами не приходил», то есть, он, понимая безвыходность ситуации, благоразумно исчез. Так и не дождавшись его дальнейшей помощи, выздоровевший Ван решает пуститься в поиски самостоятельно. Через несколько дней он отправляется по небрежно и, отметим, совершенно произвольно указанному маршруту. Он идет куда-то на юго-восток. Путешествие его, однако, не оказывается

напрасным. «Пройдя около пятнадцати верст, он очутился среди гор, обступивших его со всех сторон. ... Взглянул вглубь ущелья и видит, что где-то там, среди лесных чащ и цветочных полян, как будто притаилась маленькая деревушка». Ван идет туда и там, в этой горной деревушке и обнаруживает свою будущую супругу. Потому что эта невыдуманная девушка, которую, как теперь выясняется, звали Ин Нин, жила по этому выдуманному родственником У адресу. То есть, где-то «там, в юго-восточных горах, верстах этак в пятнадцати отсюда».

Через несколько дней со студентом Ваном, который остался жить в горной деревушке, происходит еще одно интересное событие. «Только что они (Ван, девушка Ин Нин и ее родственницы) кончили обедать, как из (родного) дома пришли за студентом и привели двух ослов. Дело было так. Мать, поджидая его и не дождавшись, встревожилась и стала искать по всей деревне, но никаких следов сына не обнаружила. Она пошла к У, тот вспомнил о своих словах и велел ей идти поискать сына в ... горы, и вот люди, пройдя несколько сел, добрались сюда». Иными словами, выдуманная родственником У горная деревушка окончательно обрела такие материальные формы, что ее уже можно посетить в массовом порядке.

Теперь остановимся для размышления. Итак, перед нами выдумки старшего родственника, которые превращаются в реальность. Для читателя описанные Пу Сунлинем удивительные события, казалось бы, удачно вписываются в общую фантастическую атмосферу новеллы. Однако, для исследователя ситуация сложнее. Перед ним типичный для фольклора «странный случай», когда плавное течение сказочного повествования неожиданно упирается в скрытый исторический массив. На каком основании исследователь делает такой вывод? Прежде всего потому, что такая ситуация типична. Если мы выйдем за пределы новеллы, то окажется, что превращение выдумки старших родственников в реальность, совсем не случайная находка китайского автора. Этот прием достаточно широко распространен в мировой сказке.

Особенно когда в сказке речь заходит о свадебной процедуре (а новелла «Смешливая Ин Нин» - это ни что иное как развернутая брачная история). Такой прием вырастает из невозможности сказочника объяснить одно удивительное обстоятельство. А именно, сказочник не может объяснить знание старших родственников жениха о его будущей невесте и о том месте, где она живет.

Чтобы не быть голословными, обратимся к примерам. Возьмем хорошо известное российскому, да и мировому читателю творчество А.С. Пушкина. Ряд его произведений написан по мотивам русских народных сказок. И вот, в произведении русского поэта «Сказка о царе Салтане ...» [15] мы увидим точно такой же прием.

Главный герой этой сказки А.С. Пушкина - молодой князь Гвидон. Он случайно подслушивает разговор своих старших родственников: сестер своей матери и отца - царя Салтана. Содержание разговора странное. Царь Салтан желает посетить некий город, но сестры ему препятствуют, уговаривая царя не ехать. Мотивируют они свою позицию тем, что это обычный город. Посещать же надо необычные города, в которых есть удивительные вещи. Например, такие вещи как: белка, грызущая золотые орехи и поющая песенки; гигантские морские богатыри; наконец, прекрасная Дева. Поехать в город царю имеет смысл, если бы в нем были эти чудеса – так считают сестры. Но вот что интересно. Когда подслушивающий этот разговор князь Гвидон магическим образом появляется в городе, в который хотел поехать его отец, все названные сестрами его матери чудеса там обнаруживаются. Вначале в центре города под сосной оказывается белочка, которая «золотой грызет орех». Затем появляются «тридцать три богатыря». И, наконец, сама Дева - «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит». И дело идет к тому, что эта девушка станет супругой молодого князя.

Несомненно, что история с сестрами матери и царем-отцом в сказке Пушкина и история с родственником У в фантастической новелле Пу Сунли-

на похожи. Это сходство не случайно, у него есть более глубокое основание. Обычный читатель историю в сказке А.С. Пушкина понимает так: сестры матери фантазируют, и их фантазии волшебным образом обретают реальность. Но дело выглядит иначе: старшие родственники (и сестры матери, и сам царь-отец) разыгрывают перед подслушивающим их молодым князем Гвидоном интермедию. Точно такую же интермедию, которую разыгрывал старший родственник У перед студентом Ваном. Цель этой загадочной инсценировки заключается в том, чтобы познакомить будущих молодоженов. Еще раз отметим: есть сказочные персонажи, а есть их исторические прототипы. Судорожные выдумки У о какой-то горной деревушке или фантазии сестер матери Гвидона о каком-то необыкновенном городе с чудесами скрывают за собой точное знание исторически реальными старшими родственниками жениха того места, где живет его будущая невеста.

В качестве еще одного похожего примера возьмем знаменитую сказку Ш. Перро «Спящая красавица» [11]. В ней повествуется, как из-за неудачно сложившихся волшебных обстоятельств целый замок с множеством людей и животных погружается в состояние сна. О замке остальной мир забывает. А затем происходит следующее:

«И вот в один прекрасный день сын короля ... отправился на охоту. Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

– Чей это замок? Кто в нём живёт? – спрашивал он у прохожих, попадавшихся ему по дороге.

Но никто не мог ответить толком. Каждый повторял только то, что сам слышал от других. Один говорил, что это старые развалины, в которых поселились блуждающие огоньки. Другой уверял, что там водятся драконы и ядовитые змеи. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит свирепому великану-людоеду.

Принц не знал, кому и верить. Но тут к нему подошёл старый крестьянин и сказал, кланяясь:

– Добрый принц ... я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном прекрасная принцесса и что спать она будет ... до тех пор, пока благородный и отважный юноша не придёт и не разбудит её».

Перед нами уже знакомая нам по своему содержанию ситуация. Может показаться, что Ш. Перро, являясь хорошим рассказчиком, искусно нагнетает драматизм в свое повествование. Но на самом деле, французский автор воспроизводит тот же самый сказочный стереотип, связанный с браком. И неотъемлемая часть этого стереотипа заключается в следующем. Окружающие главного героя старшие персонажи морочат ему голову. И, одновременно, непрямым образом (намёком) дают абсолютно правильный ответ на его вопрос. Этот ответ позволяет герою, в конце концов, найти свою невесту и жениться на ней.

Указанные сцены из произведений Пу Сунлина, А.С. Пушкина и Ш. Перро, конечно же, разные по внешнему виду, по антуражу. Но они одинаковы по смыслу, они содержательно типичны. Перед нами, таким образом, не случайные совпадения в сказках разных народов мира (и, соответственно, в их авторских версиях). Перед нами закономерность.

Теперь «странный случай» обнаружения смешливой Ин Нин, который описан в китайской новелле, получил новый смысл. Напомним, что родственник У, якобы угадавший место проживания Ин Нин, изначально приводит студента Вана на сельский праздник, фактически организовав встречу будущих молодоженов. А мать студента Вана, якобы переживающая исчезновение своего сына, безошибочно посылает в это самое место, в горную деревушку, людей с двумя осликами (для своего сына и его возлюбленной). Поведение родственника и матери студента Вана означает, что стоящие за ними исторические лица прекрасно знают место, где живет девушка.

Остается нерешенным только следующий вопрос. Почему старшие родственники (или другие старшие персонажи) китайского студента Вана, русского князя Гвидона, французского Принца морочат им головы? Почему

при всем своем знании старшие родственники не могут прямо указать на это место? Почему они это вынуждены делать косвенно, намеками, предположениями? Такой странный способ сообщения раскрывает еще одну интригу в сказочном повествовании. Получается, что по какой-то причине молодому человеку нельзя сказать прямо, где находится его будущая невеста; что эта важнейшая для него информация закрытая, запретная. Судя по всему, горная деревушка в которой живет главная героиня Ин Нин, так же как город прекрасной Девы из сказки А.С. Пушкина, или как замок Принцессы из сказки Ш. Перро, или как множество заколдованных мест в других сказках, есть «запретное место». О таком месте (и его обитателях) в сказке обычно говорят таким образом, что неясно, ложь это или правда, существует ли оно на самом деле или нет.

Почему так происходит, нам предстоит выяснить далее.

Шаг №2.

Загадка судьбы Ин Нин.

Почему Ин Нин покинула обычный мир и оказалась в горной деревушке?

Предварительно уточним еще один важный момент. Студент Ван, как мы помним, каким-то чудесным образом обнаруживает свою будущую супругу Ин Нин в деревушке «где-то в юго-восточных горах». У читателя новеллы может сложиться такое впечатление, что это родная деревня девушки. Но это ошибочное впечатление. Позднее открывается следующее обстоятельство: смешливая Ин Нин - не коренная жительница этих мест. Когда-то она сюда пришла из родного дома. А родной дом она покинула из-за того, что там возникла, скажем так, «проблема в семье».

Частично биографию Ин Нин раскрывает сначала вездесущий родственник У, а затем и сама девушка. Оказывается, ее родной дом находился во

вполне обычном селе, похожем на село студента Вана. И была у Ин Нин в этом доме вполне обычная жизнь. Покинула же она его вынужденно, в раннем возрасте. Причина, по которой произошло данное событие, серьезна и печальна. В ее семье раз за разом произошли несчастья: у девушки умерли родители - сначала отец, а затем, мать. Таким образом, смешливая Ин Нин – сирота. Это очень трогательная история. Возможно, обычный читатель новеллы, если он, конечно, обратит на это обстоятельство внимание, даже посочувствует девушке. Ведь и в современной жизни есть сироты или дети с одним родителем, что уж говорить о далеком историческом прошлом, гораздо более жестоком к человеку. Для литературы, которая, так или иначе, отражает народную жизнь, такой поворот сюжета правдоподобен.

Однако, здесь не все так просто, как представляется на первый взгляд. Начнем с того, что сиротство или отсутствие у главного героя одного из родителей (отца или матери) - типичная ситуация для мировой (китайской, русской, западноевропейской и т.д.) сказки. И эта ситуация также относится к «странным случаям».

Берем наугад несколько сказок разных народов мира и читаем:

«Жила-была маленькая девочка. Отец и мать у ней умерли .... И оттого, что была она всем миром покинута, вышла она, полагаясь на волю господню, в поле ...» (Братья Гримм, сказка «Звездные талеры» [6]).

О чем идет речь в приведенном нами отрывке. О том, что у девочки умерли родители. Но далее происходит странное событие. После смерти родителей девочка не может остаться одна дома. Более того, она не может остаться и в деревне, где находится этот дом. Она по какой-то причине оставлена без внимания окружающими ее близкими людьми: родственниками, соседями. Бедная сирота уходит. Она идет прочь, куда глаза глядят, полагаясь лишь на волю бога.

Теперь посмотрим на сказки, где умирает только один из родителей, к примеру, мать.

Вот известная сказка о Белоснежке в ее немецком варианте:

«Королева умерла. ... Взял король себе другую жену ...

Она (другая жена, то есть мачеха главной героини) позвала одного из своих егерей и сказала:

- Заведи эту девочку в лес, я больше ее видеть не могу ...

Егерь повиновался» (Братья Гримм, сказка «Снегурочка» [6]).

Вот русская сказка: у главной героини умерла мать и появилась мачеха.

«И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

- Вези, вези, старик (отец), ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видели... .

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани..., повез бездомную во чисто поле ...» (А.Н. Афанасьев, сказка «Морозко», вариант [2]).

Еще одна сказка братьев Гримм.

«Король (отвез своих детей) ... в потаенный замок, который находился в самой середине леса» (братья Гримм, сказка «Шесть лебедей» [6]).

Вот отрывок из французской сказки, в нем даже нет мачехи.

«Однажды, сидя во дворце и горя по умершей жене, король увидел в саду свою дочь, и мрак застил ему разум. Она была красивее своей матери, и обезумевший король решил жениться на ней.

Он сообщил ей о своем решении, и она (принцесса-дочь) впала в отчаянье и слезы. ... надела на себя безобразную ослиную шкуру, вымазалась печной сажой и, никем не замеченная, выскользнула из замка» (Ш. Перро, сказка «Принцесса – ослиная шкура» [11]).

Приведенные примеры указывают на следующее: в волшебной сказке подросток должен покинуть родной дом и уйти в неизвестность. Гибель родителей (или родителя) как-то связана с этим уходом подростка из родного дома. То есть полное сиротство главного героя или потеря им одного родителя не имеют прямого отношения к правде обычной жизни, как это могло бы показаться. Смерть родителей (родителя) носит функциональный характер.

Она связана с необходимостью объяснить, почему подросток в сказке обязательно должен покинуть привычную ему среду обитания. Сказочник, сталкиваясь с типичным для сказки уходом подростка из дома, рассуждает примерно так: живые родители, особенно мать, выгнать родное дитя в неизвестность не могут. Следовательно, родители (или мать) – умерли.

Такую позицию сказочника, кстати, легко понять. Ведь ситуация с уходом сказочного подростка из дома, с обычной точки зрения, действительно абсурдна. Ее противоестественность отчетливо проявляется тогда, когда сказочник от попытки объяснения ухода «через смерть» родителей отказывается, и в сказке они остаются в живых. Тогда мы наблюдаем примерно следующую картину:

«Жили когда-то король и королева; ... и было у них двенадцать детей, но всё одни только мальчики. Вот и говорит раз король своей жене:

- Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то двенадцать мальчиков надо будет убить.

И велел король сделать двенадцать гробов.

И сидела мать день-деньской такая грустная и печальная, что младший ее сын ... стал ее спрашивать:

- Милая матушка, отчего ты такая печальная?

... И сказала она:

- ... Если у меня родится на свет девочка, то все вы будете убиты.

Она рассказывала ему об этом со слезами на глазах, а сын ее утешал и говорил:

- Не плачь, милая матушка, мы что-нибудь да придумаем и отсюда уйдем» (Братья Гримм, сказка «Двенадцать лебедей» [6]).

Приведенный выше отрывок иллюстративен. После него прием сказочника, объявляющего в других сказках смерть родителей (или заменяющего, например, родную мать на мачеху) становится более понятным. Иначе ему трудно объяснить родительскую жестокость. Ведь, с точки зрения сказочни-

ка, эта жестокость не мотивирована. Есть сказки, сравнивая варианты которых можно даже заметить происходящую замену. Возьмем, к примеру, известную сказку «Золушка». В западноевропейских ее вариантах (Ш. Перро, братья Гримм) в качестве персонажа, который издевается над главной героиней, фигурирует мачеха. Если же мы найдем русский вариант, то таким злым персонажем будет мать главной героини. Окажется, что «старуха (мать) очень не любила своей младшей дочери» (А.Н. Афанасьев, сказка «Золотой башмачок»[2]).

То же самое мы видим в отношении людей, увозящих гонимую главную героиню. В одних вариантах сказки, как это видно по «Белоснежке», увозить ее в лес будет некий малознакомый слуга. В других вариантах – отец или дядя. Логично предположить, что варианты сказки, где фигурируют старшие родственники главных героев, избежали редакции сказочника. А, следовательно, они аутентичные, древние и, одновременно, «странные».

Есть еще ряд приемов, которые использует сказочник, чтобы избежать объяснений относительно «бессердечных» действий старших родственников. В этот ряд приемов входят: уход родственников, случайная «запродажа» ими ребенка, его «похищение» у них злыми силами (зверями, духами, врагами). Мы все эти важные для исследователя приемы сейчас пропускаем только по одной причине. Дело в том, что биография смешливой Ин Нин сразу попадает в главное русло мировой сказки, связанное как раз с родительской смертью. У Ин Нин, повторимся, родители умерли. Девушка с раннего возраста - сирота. Когда умер отец, она с матерью стремительно покидает свой дом в обычном селе. Когда умирает мать, она остается жить в странной горной деревушке у своей бабушки.

Шаг №3.

Ин Нин и родовая элита.

Каков истинный социальный статус сказочной девы?

Сейчас имеет смысл отвлечься от событий, происходящих с Ин Нин, и присмотреться внимательнее к ней самой. Потому как странности судьбы главной героини (а их будет становиться все больше и больше) не случайны. Они связаны с загадками, которые скрывает этот женский персонаж.

Вот одна из таких загадок. Когда мы читаем новеллу Пу Сунлина, у нас невольно складывается мнение, что Ин Нин - девушка более чем скромного достатка. Свидетельств этому, кажется, достаточно: простая одежда, утварь, еда. Об этом обстоятельстве намекает студенту Вану бабушка смешливой Ин Нин, которая воспитывает ее в глуши горного ущелья. Сетую молодому человеку на разрыв родственной связи, эта глуховатая старуха произносит буквально следующее: «Сколько лет уже, как мы друг о друге ничего не знаем! Это потому, что мы (линия рода Ин Нин) бедны». Исходя из заявленной бедности девушки, читатель интуитивно делает вывод о ее невысоком происхождении. Ин Нин, как может показаться, явно не аристократка.

Но не будем торопиться с таким выводом.

Обратимся к народной сказке, откуда Пу Сунлин черпал свое вдохновение. Причем, опять не только к китайской, а к мировой сказке в целом. Очевидно, что в мировой сказке тоже часто фигурируют главные героини очень скромного достатка, более того, пребывающие в нищете. Но это совсем не означает, что они из простого народа. Если мы говорим о классической волшебной сказке, то к рабоче-крестьянскому происхождению сказочной героини всегда следует относиться со скепсисом. Наличие простолюдин среди главных героев опять объясняется вмешательством сказочника в подлинный ход повествования.

Приведем пример. Очень известный в 30 – 40 – е годы XX века советский писатель А. Толстой написал много произведений для детей. Он работал и с русскими народными сказками, адаптируя их для маленьких читателей. Некоторые сборники сказок в современной России идут в его обработке.

Вот как он, например, начинает известную русскую народную сказку про Аленушку. «Жили-были старик да старуха, у них была дочка Аленушка да сынок Иванушка. Старик со старухой умерли. Остались ... (дети) одни-одинешеньки. Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла» (А.Н. Толстой, сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» [18]).

Какой вывод мы можем сделать, прочитав этот отрывок? Вне сомнения, что Аленушка - девушка из бедной, а, следовательно, неблагородной, возможно, крестьянской семьи. Но такой вывод окажется ошибочен. Потому что произошло следующее: А. Толстой, переписывая более ранний вариант сказки, внес в него изменения. Вот как эта сказка выглядит в аутентичном виде, зафиксированном в середине XIX века русским ученым А.Н. Афанасьевым. «Жили-были себе царь и царица; и были у них сын и дочь ... звали (которую) Аленушкой. Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать» (А.Н. Афанасьев, сказка «Сестрица Аленушка, братец Иванушка» [2]).

То есть, якобы «простая девушка» Аленушка оказывается - дочь царя! О чем она с достоинством сообщает при необходимости.

«Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени?

« - Так и так - говорит Аленушка - ... я царица» (там же).

Теперь мы ясно видим, что А. Толстой искусственно понизил социальный статус главной героини. Причин тут может быть много, не будем забывать, что это советский писатель, и что основной читатель, для которого он пишет, это крестьянский ребенок. Но есть и уже озвученная выше причина, а именно: А. Толстой не понимает сути проблемы, происходящей с главными героями сказок. Ведь у них резко рушится привычный образ жизни, катастрофически падает материальный уровень, день за днем начинает проходить в нужде. Особенно вызывающе это выглядит при жизнеописании цариц и царей. Терпящий бедствия и страдания отпрыск царского рода, испытывающий лишения, добывающий себе пропитание тяжелым и неблагородным

трудом – вот аксиома сказочного сюжета. Здесь, кстати, очевидна и неслучайна перекличка с образом страдающего (умирающего) бога в мифологии. Логику происходящих событий сказочник понять не может. Поэтому и А. Толстой не может понять, почему царские дети после «смерти родителей» должны уходить из изобильного дворца в неизвестность и нищенствовать. Бегство же крестьянских детей из пустой, голодной избушки выглядит для него в данном случае более логичным.

Вот другой пример. Существует в нескольких вариантах немецкая сказка «Жених-разбойник». В одном варианте главная героиня стала дочерью мельника: «У одного мельника была дочь-красавица, и когда она вошла в возраст, то он решил ее пристроить и повыгоднее выдать замуж» (Братья Гримм, «Жених - разбойник», вариант [6]). В другом варианте, также записанном братьями Гримм, мы читаем другое: «Жила-была принцесса, помолвленная с принцем» (Братья Гримм, «Жених - разбойник», вариант [6]). Дочь мельника и дочь короля - почувствуйте разницу.

Вектор изменения статуса героини, видимо, такой: чем позже по времени создан вариант сказки, тем ниже социальный статус главной героини. В этом случае, для сказочника и слушателя «как бы яснее» причина ее несчастий. Причем поздние сказочники идут на редакцию сказки охотнее, считая ее просто народной выдумкой, не имеющей под собой серьезной основы. Они стараются сделать сказку рациональней. Они позволяют себе вносить в сказочное повествование больше изменений. Эти изменения особенно очевидны в последние столетия, когда сказка подвергается литературной, авторской обработке. Пример редакции текста А. Толстого в русской сказке про Аленушку здесь показателен. Иное дело, так называемые, древние сказочники, которые выступают анонимно. Они минимизируют свои правки, так как относятся к сказке с большим уважением. Возможно, такого рода уважение связано с религиозным отношением к наследию прошлого. Так или иначе, если перед нами находятся несколько вариантов одной сказки, то, видимо,

изначальным следует считать тот, в котором главная героиня имеет наиболее высокий социальный статус, в пределе - царский.

Но даже если такой изначальный «царский» вариант не обнаружен, это вовсе не повод в признании низкого происхождения героини. Есть косвенные указания на ее благородные корни. Одно из таких косвенных указаний – высокий социальный статус ее будущего супруга. Часто в сказке происходит следующее событие: отнюдь не королевского или царского рода девушка вдруг выходит замуж за принца или царевича. Так происходит с героинями известных сказок «Золушка», «Красавица и Чудовище», «Василиса Прекрасная», многих других. Усматривать здесь загадочные причуды девичьей судьбы не имеет смысла. Такое удачное замужество свидетельствует о том, что сама героиня в более ранних сказочных вариантах была принцессой (царевной), дочерью короля (царя).

Есть еще один и, на наш взгляд, интересный признак благородного происхождения. Это особое, «аристократическое» отношение героини к труду. Если мы видим в начале сказки ленивую, любящую забавы и игры гордячку, если мы видим высокомерную белоручку, пусть даже из простого условия, возможно, перед нами тоже скрытая принцесса (царевна). Четко выделяется такая сюжетная линия: изначально ленивая девушка проходит суровые испытания, после которых ее ожидает уже знакомое нам «удачное замужество» с членом королевской или царской семьи.

«Жила-была девушка, ленивица... и что ей мать ни говорила, а заставить ее работать никак не могла. ... Проезжала мимо королева.

И сказала королева:

- ... Коль управишься с этой работой (прядение невероятно огромного количества волокна), я выдам тебя замуж за старшего своего сына» (Братья Гримм, сказка «Три пряхи» [6]).

Кстати, и с мужскими персонажами в сказках происходит та же самая история. Не будем голословными. Трудно найти героя ленивее, чем юноша

неблагородных кровей Ала ад-Дин (Аладдин) из известного сборника «1001 ночь». Начинается сказка про него следующим образом:

«Говорят, ... будто был в одном городе из городов Китая портной, живший в бедности, и был у него сын по имени Ала ад-Дин. ... непутевый мальчишка, он привык целый день шляться с уличными ребятами ... и нельзя было его заставить слушаться отца, и сидеть в лавке, и учиться ремеслу. Отец выбился из сил, наставляя его, но ничего не мог с ним поделать, и от великой печали и огорчения он заболел тяжелой болезнью и умер» («Рассказ про Ала ад-Дина и волшебный светильник» [9]).

Итак, Ала ад-Дин, подросток из бедной семьи, предстает настолько ленивым шалопаем, что от огорчения даже умирает один из его родителей - отец. Но, как повествуется далее, через некоторое время этот молодой человек женится на царице Будур. Вряд ли мы найдем такой сказочный текст, где Ала ад-Дина изначально назовут принцем, но его сказочным прообразом, архетипом является именно сказочный принц.

Ознакомление с аутентичным корпусом сказочных текстов и анализ их более поздних обработок обнаруживает, что высокий социальный статус их героев это не исключение, а правило. В аутентичной сказке нет никакого «общего среза жизни народа». В ней нет подростков из крестьян, ремесленников, торговцев и так далее. Все это внесено сказочниками позже, так как они ищут в волшебных ситуациях обыденную логику. Как представляется, первенство персонажей из элиты для классической сказки так же естественно, как первенство богов и полубогов - для классического мифа. Неудивительно, поэтому, что для сказки естественны разнообразные аристократические ряды главных героинь. Отметим только один из этих рядов – зооморфный. В этот ряд попадают русские и западноевропейские сказочные царицы (принцессы), которые могут оборачиваться в лебедей, лягушек, змей и так далее. Попадает в этот аристократический ряд и китайская фея-лиса.

В связи с этим отметим в новелле Пу Сунлина следующее. Смешливая Ин Нин - дочь человека и лисы, девушка может быть и бедная, и незнатная. Но ее сказочный первообраз есть Дева царского достоинства. Именно поэтому с Ин Нин и происходят разного рода необычные события, включая такое, как перемещение после смерти родителей из обычного села на равнине в заколдованную деревушку в горах.

Если же мы уйдем из реальности фольклора в реальность истории, то необходимо констатировать следующее. В той древности, до которой дотягивается сказочный сюжет, а это тысячи лет назад, нет государств. Иными словами, в то время нет никаких царств и королевств. В то время главной социальной единицей человечества является небольшая родовая община (до тысячи человек). Следовательно, в той древности, до которой дотягивается своим сюжетом сказка, нет царевен и принцесс, а есть дочери глав родов. Именно эти девушки-подростки при достижении определенного возраста покидали привычные места обитания. Они в одиночку или в сопровождении родственников уходили в некие особые места и там оставались жить какое-то время. Молодая дочь главы рода, жившая тысячи лет назад, вот кто питает подлинной жизнью образ смешливой Ин Нин из новеллы Пу Сунлина.

Шаг №4.

Священное, как тайное.

Почему горная деревушка, в которой жила Ин Нин, заколдована?

Волшебность выделяемого сказкой особого места проявляется по-разному. К примеру, как мы отметили ранее, это место может существовать и не существовать одновременно. Классический сказочник, вынужденный мириться с этим обстоятельством, пытается извлечь из него максимум литературной «прибыли». Так делает, в частности, и Пу Сунлин. Китайский писатель, кажется, даже получает эстетическое удовольствие от логической несущ-

разности всего того, что происходит вокруг горной деревни, в которой живет смешливая Ин Нин со своей бабушкой. Действительно, деревня изначально придумана родственником У, пытавшимся соврать что-то правдоподобное. Однако в нее студент Ван попадает в реальности. Попадают в нее и люди, посланные за студентом Ваном его матерью. При этом, когда сам У приходит на это самое, выдуманное им место, он никакой деревни не видит. «Когда он (У) пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел». И, можно с уверенностью сказать, что любой другой прохожий тоже ничего бы не обнаружил. Так существует эта деревня на самом деле или ее нет?

Выше уже шла речь о «Сказке о царе Салтане...» А.С. Пушкина. В ней мы сталкиваемся с очень похожей ситуацией. Герой пушкинской сказки князь Гвидон прибывает на пустынный остров. После глубокого сна Гвидон видит на острове волшебный город. Жители этого города выбирают молодого человека своим правителем. Далее, те невероятные персонажи (белка, грызущая золотые орехи, морские богатыри и прекрасная Дева), которые старательно выдумывают старшие родственницы Гвидона, удивительным образом появляются в этом городе. И самая чудесная выдумка - прекрасная Дева, становится реальной женой молодого князя. Однако напомним, остров изначально был пустынен, никакого города на нем не было.

Анализируя материал мировой сказки, мы в очередной раз приходим к выводу, что текст новеллы Пу Сунлина воспроизводит некий общий мировой стандарт. Читая об особых местах в сказках других народов, мы сталкиваемся с точно такими же ситуациями. И мы решаем те же самые загадки. С одной стороны, заколдованного места не существует. С другой стороны, оно существует и туда можно прийти. С одной стороны, где заколдованное место находится, никому неизвестно, туда «нет и дороги» (Пу Сунлин). С другой стороны, как пройти туда никакого секрета не представляет, по крайней мере, для людей, окружающих главного героя. С одной стороны, о происходя-

щих в заколдованном месте событиях никто ничего не знает. С другой стороны – все о них прекрасно осведомлены. Как следствие всех этих странностей, главные герои попадают в заколдованное место в результате не обычного, а удивительного путешествия, требующего, как правило, еще и специального провожатого.

Абсурд заколдованного места в сказке, однако, имеет простую разгадку в исторической реальности. Она открывается при осознании его изначальной скрытности. Заколдованное место - это место которое тщательно скрывают. Людям говорить об этом особом месте нельзя, это тайна. Поэтому о нем предпочитают молчать. Если же возникает необходимость рассказать об этом месте кому-то (или направить в это место кого-то), то в таком случае о нем говорят не прямо, а иносказательно, намеками. Скрытность заколдованного места в сказке есть еще один реликт, уводящий нас в глубокое историческое прошлое. Чтобы осознать корни этой сказочной тайны, мы должны понять: о чем древний человек, который жил тысячи лет назад, предпочитал молчать? Что он скрывал и табуировал? Относительно чего он вводил жесточайшие информационные запреты?

В связи с этим сразу обозначим один важный момент. Культура архаичного общества, ставшая питательной почвой фольклора, глубоко религиозна. Причем религиозна именно в древнем, магическом понимании религии. Для архаичной культуры слова гораздо важнее, чем те вещи, которые этими словами обозначаются. Такое представление появляется потому, что в глубокой древности была уверенность: слова отражают истинную суть вещей. Исходя из таких магических представлений, люди пребывали в уверенности, что они могут словами или другими знаками изменять вещи.

Для нас это мировоззрение малопонятно, так как современная культура, наоборот, светская. Современная культура исходит из того, что знание истинной реальности для человека проблематично, абсолютная истина проблематична. Отсюда, кстати, акцент на относительности истины в современ-

ной науке. Считается, что теория, то есть система понятий (слов), лишь приблизительно отражает исследуемую реальность. Современный научный подход отражает скромность ученого, осознающего пределы своего собственного познания, шире - человеческого познания вообще.

Мировоззренческая позиция древнего человека иная. Он уверен, что истинную реальность знать можно, что абсолютная истина доступна. Например, древний человек скрывает свое имя. Он уверен, что имя, то есть слово, обозначающее его самого, отражает некую подлинную сущность. Таким образом, если его имя узнает чужой человек, этот чужак будет манипулировать им. Исходя из этой магической логики, человек считает, что, зная подлинное имя вещей, он может манипулировать этими вещами.

С современной точки зрения, древний человек считает содержимое своего сознания объективной реальностью, которая по своему статусу превышает материальный мир. То есть, он считает свои мысли, образы, эмоции сверхъестественной реальностью. Древний человек обожествляет содержание своего сознания. Тут истоки магического подхода к действительности. Название и изображение вещи, ее символическое описание жестом или материальной копией для древнего человека важнее самой вещи. То, что всего лишь означает вещь, ее знак, оказывается для него сокровенной сутью вещи, ее душой. Произнося вслух выверенные поколениями священные слова (заговоры, молитвы) и совершая ритуальные действия с копиями вещей, участники древних мистерий уверены, что организуют сами вещи, поддерживают мировой порядок. Отсюда, в соответствии с такой логикой, и результат: обильная охота, плодородие скота и земли, рождение детей. По представлениям древних людей, если они остановятся в своих магических действиях, то есть в имитации реальной деятельности в виде ритуалов, то мир, который их окружает, рухнет.

Предпринятый экскурс в историю позволяет понять скрытность, связанную с заколдованным местом в сказке. Это особое место есть сказочная

интерпретация древнего духовного центра родовой общины, где происходят ритуалы. Речь идет об архаичном святилище. Перед нами не только религиозный, но политический, научный, художественный и, наконец, образовательный центр. В нем лучшие охотники, собиратели, целители производят магические действия, которые в особой форме воспроизводят ключевые моменты жизнедеятельности рода. Эти магические действия и связанные с ними знания и умения представляются настолько важными, что вызывают у посвященных членов рода соответствующее благоговейное отношение.

Изложенное выше позволяет понять, по какой причине архаичное святилище в древности табуировано, то есть строжайшим образом засекречено. Эта причина заключается в сокрытии магического центра рода от глаз посторонних людей. В первую очередь, информация засекречена для представителей чужих родов, которые автоматически считаются вредителями, жаждущими гибели привычного мира. Секретно это знание и для представителей союзных, так называемых экзогамных родов (то есть, родов, откуда берут женихов и невест). Секретно оно и для собственных непосвященных членов родовой общины, а такими были молодые люди: дети, подростки.

Для чужих родов тайна никогда не откроется. Но для союзнической и собственной молодежи тайна должна открыться. Это произойдет в определенные моменты жизни, магически окрашенные. Речь идет об обучении, о посвящении во взрослые члены рода, и, наконец, о брачном ритуале.

Когда в сказке мы сталкиваемся с разного рода странностями, происходящими вокруг заколдованного места, в первую очередь, со странностями поведения персонажей, то должны понимать следующее: истоки происходящего в сказке уходят в указанную древнюю практику умолчания о священных местах и специфику их посещения. Данное замечание в полной мере относится и к произведению Пу Сунлина.

Линия, исторически связанная с молодым членом рода (невесты), реализуется в новелле персонажем Ин Нин. Когда приходило время обучения

высоко-статусной девушки тайнам своего рода, ее переводили из дома в родовое святилище. Отражая данный исторический алгоритм на уровне фантастической новеллы, Ин Нин ребенком покидает родной дом и переезжает жить в заколдованную деревню.

Линия, исторически связанная с представителем союзного рода, реализуется персонажем студента Вана. Повторим, что род жениха становится союзным роду невесты по причине принципа экзогамии, т.е. необходимости поиска брачного партнера в соседней родовой общине. Это приводит к причастности жениха к тайнам рода невесты. Поэтому на какое-то время заколдованная деревушка и открывается влюбленному студенту, направившемуся на поиски своей пары.

Замысловатые приключения студента Вана и смешливой Ин Нин, приведшие их в разное время в странную горную деревушку совсем не случайны. Они в определенной мере связаны с судьбой их исторических прототипов – невестой и женихом древних экзогамных родов, которым в разное время старшими родственниками были открыты тайны родового святилища.

Шаг №5.

Условный центр мира.

Что скрывается за описанием горной деревушки?

Интересно увидеть, как соотносится описание горной деревушки в фантастической новелле Пу Сунлина с типичным описанием заколдованного места в мировой сказке. И насколько полно в этом описании отражено исторически реальное родовое святилище, существовавшее в глубокой древности

В мировой сказке заколдованное место возникает, как правило, с неким элементом интриги: в хаосе безлюдного пространства неожиданно оказывается обжитое пространство. Например, перед усталым и растерянным путником в дремучем лесу расступаются деревья, открывается поляна. Или посре-

ди бушующего океана появляется остров. Или в горах обнаруживается лощина (как это произошло со студентом Ваном). Горы - это элементы пейзажа наиболее близкие к небу, а значит к «иному» миру, к миру духов. Горы есть сосредоточие волшебности для китайского фольклора, достаточно вспомнить знаменитый «Канон гор и морей» («Шань хай цзин»), энциклопедию древнекитайской мифологической (а, значит, и магической) географии.

Общий отличительный признак заколдованных мест в мировой сказке - это глубокая оппозиция обычному человеческому миру, которая проявляется, в том числе, в их отдаленности, труднодоступности и обособленности. При этом в заколдованных местах есть явно выраженные признаки антропоморфного бытия. Уж если в горах обнаруживается заколдованная пещера, то она обязательно будет обработана человеческой рукой. Она будет с каменными ступенями, каменными дверями и фонарем у входа (к примеру, как пещера в китайской народной сказке «Пять сестер»). Часто в заколдованном месте находятся разные постройки: хижина, терем, заброшенная церковь и другие здания. Или – совокупность таких построек. Последняя выглядит как внушительный двор с домом и пристройками, замок, дворцовый комплекс, деревушка или даже небольшой город с пригородами. Такие типы строений мы видим в уже рассмотренных выше сказках. В «Белоснежке» это домик гномов. В Красавице и чудовище» - дворец. В «Спящей красавице» - замок. В «Сказке о царе Салтане...» [15], заснувший на пустом острове князь Гвидон после пробуждения видит город: «Стены с частыми зубцами // И за белыми стенами //Блещут маковки церквей // И святых монастырей».

Постройки в заколдованном месте, так или иначе, связаны с миром мертвых. Это еще одно доказательство того, что перед нами отражение в сказке именно древнего святилища, функционирующего в архаичном обществе. Погребальный (жертвенный) элемент - важная часть священного комплекса. Захоронения обозначают границу потустороннего мира, к которому, по мнению древних, святилище относится. Недаром археологи отмечают, что

раскопки святилищ, которых обнаружено по всему миру очень много, кроме предметов культа и раритетов, обязательно обнаруживают скопления черепов и костей конечностей (животных или человека) [17]. То же самое обнаруживается и в сказке, особенно наиболее древней, аутентичной сказке. Вокруг заколдованного места, описываемого ею, расположены символы «иного» мира, а то и более откровенно - смерти: «кругом всего дворца стоит часокол высокий на целые десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто» (А.Н. Афанасьев, сказка «Морской царь и Василиса Премудрая» [2]). Или так: «Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами» (А.Н. Афанасьев, сказка «Василиса Прекрасная» [2]).

В этом русле потерянности от человеческого мира и наличия потусторонней символики следует рассматривать деревушку, которую описывает Пу Сунлин. Согласно тексту, в глубине горного ущелья «среди лесных чащ и цветочных полян, как будто притаилась маленькая деревушка ... домов немного, и все бедные хижины, хотя вид имеют очень чистый и привлекательный». Эта деревушка, как оказывается позднее, расположена на могильном холме. Удивительно, но когда родственник У давал координаты деревушки студенту Вану, он на самом деле называл место захоронения своей дальней родственницы. Отсюда следующий интересный эпизод: став официальным сватом, У прибывает на указанное им самим заколдованное место. Но он не находит никакой деревни. Тогда У неожиданно приступает к поиску могилы. Вот как этот эпизод описан в новелле. «Когда он пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел, были только горные цветы, и те уже опадали. Он вспомнил, где была схоронена его тетка, и ему показалось, что это как будто неподалеку отсюда, но могильный холм зарос, сровнялся с землей, и никаких сил не было его распознать».

В заколдованной деревушке, куда попал студент Ван много диких животных и растений. И это обстоятельство тоже имеет свой скрытый исторический подтекст. Дикие животные и некультурные растения являются

своеобразными символами смерти. По мнению древних, они тесно связаны с прошлым, с предками, а значит, с миром мертвых. Не случайно тотемы (или перво-предки) древних родовых общин имели животный или растительный облик. Из такого рода тотемов позже вырастают зооморфные боги первых цивилизаций.

В отношении диких животных в новелле Пу Сунлина упомянем, что коренные жители горной деревушки ни кто иные, как волшебные лисицы. То есть, лисы-оборотни. Это обстоятельство мы подробнее рассмотрим позже. Что касается растений, то дворы заколдованной деревушки просто утопают в цветущей зелени. «У входа в один дом (дом, где живет смешливая Ин Нин) растут шелковистые ивы, за забором видны персики и сливы попеременно с высокими, стройными бамбуками, в листве порхают и щебечут вольные птицы ... Весь двор (дома Ин Нин) наполнен цветами, парниками, куртинами... В окна влезали, словно чего ища, ветви дикой яблони». Отметим: все это не домашние, но дикие растения, включая персиковые, сливовые и яблочные деревья. И далее: «На следующий день студент (Ван) пошел в сад за домом ... цвет ивы устилал все его дорожки. В саду был павильон ... весь скрытый цветущими деревьями. Ван тихо шагал, пробираясь сквозь цветы».

Исследователи особо обращают внимание на естественно растущую флору в фольклоре. Так, по мнению В.Я. Проппа, частые для заколдованных мест в сказке образы зарослей, непроходимых кущ или дикого сада, есть свидетельство того, что она отражает в своих описаниях до-земледельческий уклад жизни человечества. И этот уклад консервативно, а по сути – религиозно, сохранен в устройстве священных, связанных с предками мест древних родовых общин. А то, что студент Ван имеет дело именно с некультурными (горными, лесными и т.д.) растениями, мы можем убедиться при сравнении с текстами других сказок, в том числе китайских. Например: «Поднялись сестры на гору (где находится волшебная пещера), а там красота такая, что и не расскажешь. Небо разноцветное, деревья зеленые, травы сочные, а цветов ка-

ких только нет, да птиц разноперых! Персиков горных да яблок диких тьма-тьмуца, аж ветки гнутся» (китайская народная сказка «Пять сестер»).

Отдельного внимания требует то, что находится внутри заколдованных строений. У сказочного героя, у сказочника и, наконец, у слушателя увиденное, как правило, вызывает удивление. «Они (сказочные героини) тотчас отправились осматривать все покои, и удивлению их конца не было: ... чего-чего они там не увидели!» (Ш. Перро, сказка «Синяя борода»). Удивление героев имеет под собой основания. Бродящие по таким постройкам молодые люди могут обнаружить помещение, в котором находится чудовище, богатырь, колдун. Или же в нем сидит мудрый старик, старуха, томится прекрасная девушка (девушки) или юноша (юноши). Или же, поют и танцуют звери и птицы, демоны: «взяли его (вошедшего в комнату героя) ... и пошли кадрилию плясать» (сказка «Ванюшка» [14]). В этих комнатах находятся разные волшебные предметы (орудия производства, оружие, книги, картины, музыкальные инструменты, скульптуры и т.п.). В этих комнатах находятся драгоценные клады, кипящие котлы, наконец, скелеты, мертвецы, подвешенные или порубленные на части тела животных и людей (подробнее [10, гл. «Большой дом»]).

Горная деревушка в новелле Пу Сунлина тоже открывает такого рода постройку. Это дом в котором живет бабушка смешливой Ин Нин. По какой-то причине этот дом студент Ван вначале принимает за дом мудреца: «Ван подумал, что это, пожалуй, сад и дом какого-нибудь ученого». Акцент Пу Сунлина на этой неожиданной ассоциации примечателен. К тому же, как оказалось, эта мысль студента Вана оказалась в чем-то правильной - старуха оказалась грамотной и в ее доме были книги. Детали, на которых мимоходом останавливается китайский автор, имеют для исследователя дополнительный смысл. Чем глубже мы уходим в древность, которую преломляет в своих границах фольклор, тем больше ученый-грамотей будет превращаться в мага, а книга - в атрибут колдовства. Как бы не была свободна фантазия рассказчика,

через сложные ассоциативные цепочки она все равно будет связана с исторической реальностью. И в конечном итоге, окажется, что существа и вещи заколдованного места в сказке имеют отношение к участникам архаичных ритуалов и к их священному реквизиту (утвари).

Дом, в котором проживает бабушка смешливой Ин Нин, это центр заколдованной деревушки. Но во дворе этого дома есть еще свой центр, некая исходная точка. Это некий изящный «павильон в три маленьких комнатки, весь скрытый цветущими деревьями», возможно, некое место для отдыха и созерцания (медитации). Не говоря о павильоне прямо, бабушка героини предлагает гостю посетить его. Возле этого павильона, окруженного буйной зеленью сада, происходит объяснение в любви студента Вана к Ин Нин.

Шаг № 6.

Учителя магии.

Кто такая бабушка смешливой Ин Нин?

Коренным жителем деревушки в горном ущелье является старшая родственница смешливой Ин Нин. Это ее бабушка. Студент Ван встречает бабушку после того, как, войдя в деревню, останавливается возле дома похожего на «дом какого-нибудь ученого», не решаясь войти внутрь. Наконец, после многочасового ожидания к нему из дома «вышла старуха, опираясь на палку, и обратилась к студенту с вопросом:

- Откуда вы, господин? ... Что вы хотите делать? ...

Ван вскочил на ноги и, приветствуя старуху, отвечал:

- Хочу повидать своих родственников.

Старуха была глуха; она растерянно сказала:

- Не слышу!».

В этой зарисовке Пу Сунлина как бы вся проза жизни. Первое впечатление от бабушки смешливой Ин Нин у читателя соответствующее: перед

студентом Ваном стоит простоватая и глуховатая старуха. Дальнейшее повествование о пребывании студента Вана в горной деревушке не изменит это впечатление, разве что добавит дополнительные детали. Старуха ворчлива, немного авторитарна с домочадцами, не чужда тонкого юмора. Она живет скромно, но держится с достоинством. Это заботливая и любящая бабушка, которая настойчиво ищет достойную пару своей внучке Ин Нин. Однако, назвать этот колоритный образ пожилой женщины чистой авторской выдумкой Пу Сунлина было бы неправильно.

Старуха, живущая в заколдованном месте – достаточно распространенный персонаж в сказке (как в китайской, так и в мировой). Распространен этот персонаж потому, что сказочная старуха выполняет определенную функцию. Что бы понять ее, рассмотрим несколько сказок.

Вот китайская народная сказка «Пять сестер». Девушки заблудились в лесистых горах. Уже глубокой ночью они находят пещеру с грубоватым декором: ступенями, фонарем и так далее. В пещере находится старуха. Живет здесь она уже давно. Увидев девушек, старуха сообщает им:

- «Видать, не знаете вы, в какое место забрели. Гора эта Медвежьей зовется, и пещера тоже, потому как живет в ней медведь-оборотень. Не ест он вареной пищи, людей жрет. Кто здесь пройдет, тот в лапы к нему попадет. Видите, белые косточки в пещере горой громоздятся».

На вопрос девушек:

- «А ты, бабушка, кто же будешь? Отчего медведь тебя не съел, пощадил?», она отвечает: «Он и меня сожрать хотел, в лапах сюда приволок. Только старая я да тощая. Кости да кожа. Вот и не стал он меня есть, велел за домом присматривать».

Вот еще одна сказка, на этот раз западноевропейская – «Разбойник – жених». Девушка в поисках жениха приходит в одно странное место – лесной дворец. Ее встречает старуха.

« - Не можете ли вы мне сказать, - молвила девушка, - не здесь ли живет мой жених?

- Ах, бедняжка, - ответила старуха, - куда ты попала! Ведь ты в разбойничьем притоне. Ты думаешь, что ты невеста и скоро свадьбу справлять будешь, но придется тебе праздновать свадьбу со смертью. Вон, видишь, большой котел с водой, мне придется поставить его на огонь, когда они тебя схватят и порубят безжалостно на куски, а потом тебя сварят и съедят; ведь они людоеды. Если я тебя не пожалею и не спасу, то придется тебе пропадать» (братья Гримм, сказка «Разбойник-жених», вариант [6]).

Как мы видим, китайская и западноевропейская сказочные истории в чем-то похожи. Таких историй со старухой в мировой сказке много. Очевидно, что пребывание старухи в заколдованном месте несет в себе некую интригу, которую сказочник не вполне понимает. Из-за такого непонимания сказочник считает старуху, скорее, жертвой обстоятельств. Кажется, что несчастная пожилая женщина волею случая вынуждена жить вдали от привычного мира. Причем жить в странном месте, в доме с оборотнями, разбойниками и т.д. Это старуха вынуждено соучаствует в разного рода «темных» делах. В том числе в злодеяниях, например, в людоедстве. Она сочувствует невольным гостям, попавшим в заколдованное место, пытается им помочь: «Мы с тобой убежим; я давно уже жду удобного случая» (братья Гримм, сказка «Разбойник-жених», вариант [6]).

Впрочем, в ряде сказок акценты смещаются. В западноевропейских сказках это видно по сюжету с лесным домиком, где живет ведьма, заманивающая к себе детей и подростков. Здесь старуха в заколдованном месте не просто соучастник, но активный организатор страшных мероприятий. Есть похожий сюжет и в русских сказках. Речь идет о знаменитой старухе Бабе Яге, которая выступает именно как людоед. Пришедший в ее дом гость рассматривается хозяйкой как еда - «сам в рот катится». При этом отметим, что Баба-Яга - хозяйка не только дома, отмеченного атрибутами смерти (костями,

черепами). Ей подчиняются звери и птицы, ей подчиняются природные стихии, времена суток и так далее.

Подлинная роль сказочной старухи станет понятна, если мы увидим за этим персонажем историческое лицо. Пожилая женщина в заколдованном месте отражает глубокую матриархальную древность. Это шаманка, статусная жрица родовой общины, которая хозяйничает в архаичном святилище и организует проведение обрядов. Почему сказочная старуха связана с животными, со смертью, с людоедством, с молодыми людьми? Потому что исторически-реальная жрица связана с миром животных и мертвых, с предками рода, с ритуалами посвящения молодежи.

В том, что сказочная старуха имеет отношения с оборотнями, что она царствует над животными, специфически проявлена древнейшая магия охоты. В глубокой древности не было земледелия или скотоводства. Основным источником пропитания человека была охота на животных. Получить расположение животного, максимально уподобиться животному, наконец, стать животным на какое-то время для древнего человека считалось чрезвычайно важным. Чтобы общаться с животными, жрица сама должна была представлять себя животным.

Отдельно напомним, что для архаичного сознания мир мертвых и мир животных пересекаются. Поэтому, к примеру, перво-предками (тотемами) в древности считаются животные. Умеющая общаться с животными, жрица могла общаться и с духами, в первую очередь, с духами предков. Ведь от благорасположения духов предков к живущим в физическом мире потомкам зависит благополучие. Но, чтобы общаться с духами, жрица сама должна была в этот момент представлять себя духом.

Скрытая или явная агрессия сказочной старухи к девушкам и юношам специфически отражает архаичный образовательный процесс. Одна из задач древней жрицы заключается в передаче священного знания молодому поко-

лению, обучению их ритуалам по ключевым направлениям жизнедеятельности, в проведении испытаний своей и инородной молодежи (претендентов).

После такого небольшого разбора функций старух в мировой сказке и скрываемых за ними функций древних жриц, обратим опять внимание на простоватую и глуховатую бабушку смешливой Ин Нин. В конце новеллы неожиданно выясняется, что она на самом деле – демон в виде лисы. Эта пикантная подробность обнаруживается, когда студент Ван и смешливая Ин Нин уже вступают в брак. «Однажды вечером сидя с мужем, она (Ин Нин) вдруг заплакала; слезы так и закапали из ее глаз. Тот удивился, а она, всхлипывая, говорила ему:

- Раньше я тебе не говорила об этом, боялась испугать ... Перед тем как умереть, моя мать отдала меня (своей) матери-бесу у которой я и жила (в горной деревне)».

Демон, которым оказалась бабушка смешливой Ин Нин, это не только оборотень. Демон это еще и бестелесный дух, то есть мертвец. Благодаря этим качествам бабушка смешливой Ин Нин способна входить в сон к человеку и общаться с ним спящим. Именно такой увидел ее студент Ван в последний раз. Это случилось после того, как молодой человек по просьбе своей жены Ин Нин совершил одно богоугодное дело. Тогда он «видел во сне старуху лису, которая пришла благодарить».

Бабушка смешливой Ин Нин возглавляет волшебную деревню демонов. Она живет в ее центре, в доме, похожем на «дом какого-нибудь ученого». Она является одновременно и живым человеком, и животным, и мертвецом. С точки зрения архаичного сознания, именно такой и является жрица святилища родовой общины.

Кстати, всевозможные старческие недуги бабушки: рассеянность, глухота и другие, позволяют затронуть еще одну тему. Речь идет о так называемой «ритуальной старости». Дело в том, что в древности продолжительность жизни была невелика. Поэтому до реальной старости доживало очень мало

людей, роль их в обществе была невысока. В фольклоре же она, наоборот, чрезвычайно высока. Это потому, что роль стариков была высока в ритуале. Причем, старость имитировали во время обрядов люди из более молодых и активных возрастных групп. Причины такой имитации дискуссионны, их можно только предполагать, опираясь на современные этнографические исследования. Возможно, это делали потому, что для архаичного сознания старики безобразны, а, следовательно, они близки к категории чудовищ и стоящим за чудовищами миром животных. Они на периферии жизни, близки к мертвецам и, следовательно, близки к потустороннему миру. Наконец, старики мудры и обладают нравственным авторитетом. То есть, старики с этой точки зрения оказались тесно связаны с животными, чудовищами и мертвецами, с иным миром в целом.

Отсюда, из имитации старости молодыми во время ритуалов появляется еще один вид трансформации в фольклоре. Маг (жрец) способен не только превращаться в животное - быть оборотнем; не только превращаться в бестелесного духа - быть мертвецом. Он по своему желанию может превращаться в пожилого человека - быть стариком. Способность к быстрому старению молодого человека и, наоборот, к омоложению старика, сохранила сказка. В случае мужских персонажей иллюстративен в данном случае будет образ такого сказочного чудовища, как Змей. Сказочный Змей - это маг, великий колдун. Он живет необычайно долго, он мудр, опытен. Он обладает сокровищами и волшебными предметами. И вот, если далее перечислять его характерные черты, окажется, что «народные поверья ... наделяют его (Змея) способностью изменять свой страшный, чудовищный образ на увлекательную красоту юноши» [3]. Змей не только похититель женщин, он оказывается еще и их соблазнитель, перед которым им невозможно устоять. Отсюда и устойчивый в фольклоре мотив женской измены со Змеем (или Драконом).

Похожая ситуация с женскими персонажами в фольклоре. Существует устойчивая магическая связь между старухой и девой: «О ведьме говорят,

что она или старуха незапятнанных лет, или молодая красавица» [3]. Хорошим примером здесь будет уже не раз использованная нами сказка «Белоснежка» (из сборника братьев Гримм). Напомним, что мачеха главной героини – злая, но при этом, красивая молодая женщина. Прекраснее ее нет никого в королевстве. Когда Белоснежка убегает в лес и начинает жить в волшебном доме вместе с гномами, мачеха посещает ее несколько раз, пытаясь убить. Но в каком виде она посещает свою падчерицу? Она ее посещает в виде старухи! В первый раз она «переделалась старой торговкой», во второй раз – «притворилась другой старухой», в третий раз – явилась старой крестьянкой с корзиной яблок.

Поэтому, возвращаясь к бабушке смешливой Ин Нин, мы должны понимать условность ее пожилого образа. Если открыть словари, то окажется, что бесы-лисицы «обычно принимают облик обольстительной красавицы, симпатичной молодой девушки, но иногда оборачиваются и стариками» (Википедия). Иными словами, демон в женском обличье, встречая студента Вана в горной деревушке, откровенно морочит ему голову. Личину простоватой и глуховатой старухи этот демон принимает ради удачного замужества своей молодой родственницы Ин Нин. Бабушка смешливой Ин Нин может быть, подобно мачехе Белоснежки, молодой и красивой женщиной. Как-то в одной новелле своего сборника «Ляо чжай чжи и» Пу Сунлин дает поэтическое описание опытной, неустанно стремящейся к бессмертию феи-лисы. Эта фея сопровождает влюбленного в нее человека от его юности до смертного часа, сама, практически, не изменяясь. «Лет этой девушке было только-только достаточно, чтобы уже «сделать прическу» (т.е. около 15 лет); она была прекрасна, как лотос, розовеющий в свисающих каплях росы; как цветок абрикоса, увлажненный легким туманом. Кокетливо и грациозно, еле заметно она улыбалась, и красота ее милого лица хотела как будто выйти за пределы возможного» (Пу Сунлин, новелла «Четвертая Ху»).

Как мы видим, бабушка смешливой Ин Нин вполне соответствует тому заколдованному месту, где она живет.

Шаг № 7.

От заката до рассвета.

Чему учат в заколдованной деревне?

Итак, за очертаниями горной деревушки обнаруживается архаичное святилище родовой общины, а за образом глуховатой бабушки смешливой Ин Нин – исторически-реальная жрица. Почему из глубокого прошлого фольклор донес до нас именно эти детали? Откуда такая тесная связь фольклора и ритуала? Ответить на эти вопросы можно, по достоинству оценив глубокий практический смысл магии для древнего человека.

Основа жизнедеятельности человека материальна. С точки зрения архаичного сознания магия, исходящая из власти знака над материальной вещью, выполняет важные производственные функции. Поэтому любая деятельность в древности (охота, собирательство, производство орудий, брачные отношения и т.д.) носила магический характер. Она обставлялась соответствующими ритуалами в особых местах (святилищах). И профессиональное обучение молодежи в этих особых местах также было неразрывно связано с магическим знанием слов, жестов, танцев, изображений, скульптур и других знаков.

Прочтение сказок разных народов мира с учетом их исторических истоков позволяет выявить широкий спектр магического знания, которое передавалось молодому поколению. Воспроизведем его основные элементы.

Центральное место в древности занимает охота. Это получило отражение в мировой сказке. Ее главными героями стали охотники, люди которые стреляют или ловят зверей и птиц. Эти люди могут иметь вторую, а именно,

животную ипостась, то есть превращаться в животных, быть оборотнями. Или иметь такого оборотня в виде брачного партнера (невесты/жениха, жены/мужа). Оборотнями могут быть родственники героя или его друзья. Существует особый типаж волшебного животного помощника: медведя, волка, лисы, сокола, ворона, других зверей и птиц. Мотив оборотничества человека в животное очень популярен в сказке. Достаточно просто прислушаться к названиям сказочных произведений разных народов мира, чтобы убедиться в этом: «Сказка о царе Салтане ... и Царевне-лебеди», «Царевна-лягушка», «Царевна-змея», «Медведко ... », «Финист – ясный сокол», «Ганс-еж» и многие другие. Как уже было отмечено ранее, сказка специфически отражает деятельность архаичной родовой общины. Знание повадок животных, умение им подражать были важным предметом магического обучения молодых членов такой общины.

Много внимания в сказке обращается на собирательство в самом широком смысле этого слова. Герои ищут, собирают, перебирают и используют в своей работе растения, грибы, мед, и, наконец, минералы и руды.

Сложные задания, которые получают главные героини, часто касаются перебирания растений или их семян. Например, сказочная героиня Золушка по заданию мачехи перебирает зерна чечевицы, гороха, проса. В древности важность собирательства растений было трудно переоценить. Различные части растений: от корня до зерна - важнейшая часть пищевого и лекарственного рациона человека. Интересно отметить, что манипуляции с растениями в сказке, как правило, осуществляются женщинами, это женский вид работы. Исходя из этого, можно сделать вывод о значительной роли женщин в появлении производящих форм хозяйствования. Именно их деятельность, вероятно, привела к так называемой «неолитической революции» (около десяти тысяч лет назад). Эта революция заключалась в окультуривании растений. Речь идет о возникновении огородничества и земледелия. Несомненно, собира-

тельство было еще одним важным предметом магического образования в древности.

Перебирая зерна растений, Золушка из сказки братьев Гримм пользовалась помощью животных помощников (что само по себе примечательно). А вот Василиса из русской сказки для решения такой же проблемы сделала по-другому. Она прибегла к помощи куклы. Когда ей нужно перебрать зерна пшеницы, девушка, прежде всего, совершает жертвоприношение перед куколкой, которую ей подарила перед своей смертью мать. «Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей: «Все будет сделано, Василисушка!» (А.Н. Афанасьев, сказка «Василиса Прекрасная» [2]). Волшебная кукла из русской сказки проявляет еще один важный исторический нюанс. Это изображения в плоскости (живопись) или в объеме (скульптура) важных моментов в жизни древнего человека. Такие изображения сцен охоты, в первую очередь, объектов этой охоты – животных, быта, сексуальных отношений и так далее, также имело глубокий магический смысл. Археология открывает в пещерах множество рисунков на стенах, мужских и женских статуэток (например, знаменитые «палеолитические вены»). Обнаружены изображения и большие статуи зверей, истыканные копьями, которым до 20 тысяч лет! Примечательно, что ученые видят в таких артефактах, в том числе, и учебный реквизит для молодежи. «В пещерах-святилищах с настенной живописью и наземной скульптурой археологи обнаружили на мягком грунте пола отпечатки ног палеолитических людей», – пишет академик Б.А. Рыбаков. – «Большая часть следов принадлежит подросткам 10 – 12 лет» [16]. «Магический элемент пронизывал все стороны жизни палеолитического охотника», – продолжает Б.А. Рыбаков далее. - «В юности, когда он получал «аттестат зрелости», его водили в пещеру, глубоко под землю, и открывали ему таинственную, но полную магии живопись» (там же). Как мы видим, в реставрации смысла архаичных ритуалов, которые отстоят от нас на тысячи и

даже десятки тысяч лет, материалы археологии и материалы фольклора взаимодополняют друг друга.

Одно из трудных заданий, которое дается девушкам в сказках разных народов мира – вы ткать холст (ковер). Здесь, напомним, что работа с нитью (вышивка, прядение, ткачество и т.д.) - это еще одно древнее магическое искусство. Причем, это искусство традиционно женское. Орудия этой работы: игла, веретено и другие, по мнению древних, обладают волшебной силой. Сама нить наделена глубоким магическим смыслом: в мифах богини прядут нити судеб, нити жизнью... они же их и обрывают. Магический смысл нити определяет магический смысл узла (если говорить о Китае, то иллюстрацией этому может стать ключевая роль узла в фэн-шуйе). В сказках, в зависимости от качества работы с нитью, проверяется подлинность главной героини. Если героиня ложная, то она такую проверку не проходит и подвергается наказанию. Если героиня настоящая, то она выполняет задание и заслуживает вознаграждения (замужества).

Также в сказках много внимания уделяется танцам, музыке и пению. Описываются большие и малые балы, в которых постоянно участвуют главные героини (Красавица, Золушка, Царевна-лягушка и другие персонажи): «приходят они (двенадцать королевен) во дворец, встречает их царь с придворными, заиграла музыка и начали танцевать; до тех пор танцевали, пока башмаки не изорвали» (сказка «Ночные пляски» [2]). От людей в этом плане не отстают сказочные животные, а также представители многочисленного фольклорного интернационала. Исследователи отмечают: «сатиры, фавны, нимфы, сладкогласные сирены, эльфы, никсы, вилы, русалки и ведьмы любят песни, музыку и танцы» [3]. Все это означает, что к этим искусствам также следует относиться с должным вниманием. Эти искусства есть своеобразное отражение древнейших магических практик, шаманских камланий. Советский ученый В.Я. Пропп по данному поводу писал: «Эти (театрализованные)

представления... не были зрелищем, они были магическим способом воздействия на природу» ([12], стр. 83). Им тоже обучали молодежь.

Древние люди считали сознание человека сверхъестественным. Серьезное отношение древних людей к явлениям сознания человека способствовало их практическому интересу к психике. Шаманы (жрецы) могли манипулировать обычными людьми, наводить сон, видения. В сказках мы видим похожие ситуации. Обычно в них «заговаривают» людей опытные колдуны. Но владеют этим навыком и молодые маги, те же наши «мудрые девы». А, значит, этот навык есть результат не столько опыта, сколько специального обучения. Наверное, лучшие примеры наведения морока мы обнаружим в фантастических новеллах у Пу Сунлина, в том случае, конечно, если разглядим древнего шамана (или жреца) в образе лисы-оборотня. Такой волшебной лисе по силам внушить обычному человеку любое видение: и сказочный терем на пустом месте, и пожар, и стол с едой, и слитки серебра, и многое другое.

В новелле «Оскорбленный Ху» эта ситуация доведена до гротеска. Из-за отказа в браке со своим родственником лисы объявляют войну жителям деревни. Однако, каждая их битва превращается в безвредное издевательство над людьми. Стрелы, которыми они стреляют, оказываются листьями лопуха, ножи – цветами, приходящие с ними ужасные великаны – соломенными пугалами. Наконец, животные, на которых они ездят, оказываются насекомыми. Когда люди захватывают одно из таких животных, принимая его за осла, происходит следующая сцена: «Посмотрели на осла. Видят - шерсть у него черного цвета, придавленные уши, длинный хвост... Тварь огромная. Взяли его за узду, потянули - не двигается. Стали бить, а он под ударами так и упал: жж-жж ... запело в траве насекомое».

Война заканчивается переигрыванием брачных условий лис с людьми: вместо женитьбы юноши-лиса замуж за человека выходит девушка-лисица. Жители деревни только выигрывают от этого нового контракта, так как эта девушка прекрасно гадает. «Молодая жена, оказывается, умела предска-

вать урожайные и плохие годы. Поэтому во всех хозяйственных предприятиях с ней считались». Гадание, кстати, еще одна важная и чрезвычайно ценная магическая дисциплина для древности.

Перечисление умений и знаний сказочных героев можно продолжить. Однако уже ясно, что их немало и что они отражают те виды деятельности, которые существовали в архаичном обществе. Принимая во внимание их многообразие и сложность, можно сделать вывод о существовании в древности целого «образовательного комплекса» для молодежи. Этот комплекс включал в себя и учебный процесс, и опытных учителей, и особые места для обучения. С учетом магической составляющей такого рода учебы очевидно, что важнейшая ее часть проходила в архаичном святилище.

Шаг № 8.

Ученица магической школы.

Была ли волшебницей сама смешливая Ин Нин?

На первый взгляд, Ин Нин - обычная симпатичная 16-ти летняя девушка. Она часто смеется по поводу и без повода. Но этот смех ее не портит, оставляя ощущение беззаботной молодости: «Она любила неугомонно смеяться ... однако смеялась она грациозно... . И все женщины, что были в доме, глядя на нее, открывали рты и тоже смеялись». Те не менее, в судьбе смешливой Ин Нин, в ее поведении, в ее действиях и словах есть много того, что отличает ее от обычных людей. Обратим внимание на те моменты, которые ненавязчиво акцентирует сам Пу Сунлин.

В первую очередь, смешливая Ин Нин - это ребенок человека и лисы. Мать студента Вана все время подозревает в своей невестке демона. Она то кладет ее спать вместе с другой девушкой, то рассматривает ее фигуру против солнца в поисках лисьего хвоста. В новелле эти поиски матери носят комический эффект, однако, отдадим должное мудрости недоверчивой женщи-

ны – Ин Нин есть демон-оборотень. «Я действительно лисьей породы», - признается она своему супругу в миг откровенности.

В новелле смешливая Ин Нин ни разу не показала себя в виде лисы. Однако, косвенных намеков достаточно много. Так, можно предположить, что во время пребывания в заколдованной горной деревушке Ин Нин находилась в животном облике. Потому что никакой деревушки на самом деле нет. Это морок (наваждение) оборотней, которые ожидают прихода человека - студента Вана. В обычное время вместо деревушки есть просто дикое пространство с норами лис вокруг могилы матери смешливой Ин Нин. Именно такое пустынное место (где, как поэтично пишет Пу Сунлин «были только горные цветы, да и те уже опадали») обнаруживает отправившийся туда родственник У. Впрочем, студент Ван видит такую же картину. Ведь в конце новеллы он отправляется вновь туда - «в юго-восточные горы». По просьбе своей молодой супруги студент Ван совершает богоугодное дело - перезахоранивает ее мать. Но деревни, в которой он когда-то был и нашел свою возлюбленную, больше нет.

Говоря об оборотничестве в животное смешливой Ин Нин, отметим еще один стандарт в мировой сказке. Согласно ему девушка-подросток надевает шкуру животного с момента покидания родного дома и не снимает ее вплоть до замужества. Напомним в связи с этим еще раз отрывок из наследия Ш. Перро: «принцесса надела на себя безобразную ослиную шкуру, вымазалась печной сажей и, никем не замеченная, выскользнула из замка» (Ш. Перро, сказка «Принцесса – ослиная шкура»). Такого рода надевание шкуры во все не случайно. Есть и обратная трансформация. Она происходит, например, в русской сказке «Царевна-лягушка», когда, снимая лягушачью кожу, героиня появляется перед своим супругом во дворце его отца в виде прекрасной девушки. А вот еще одна похожая история из немецкой сказки: «Отворилась дверь (в заколдованном месте), видит он (герой) - сидит перед ним большая, толстая жаба, а вокруг нее много маленьких жаб... Взял он, какая ему первая

под руку попалась, и посадил ее в желтый возок; но только села она в него, как тотчас обернулась волшебной красоты девицей... Поцеловал он девицу, погнал коней и привез ее к (отцу) королю» (братья Гримм, сказка «Три перышка» [4]). Последний отрывок более чем красноречив. Аналогия этой лягушечьей компании во главе с толстой жабой и колонией лисиц во главе с бабушкой смешливой Ин Нин из китайской новеллы, на наш взгляд, достаточно прозрачна. Животный образ Ин Нин, увязанный с ее обучением перед замужеством, вновь оказывается в мейнстриме мировой сказки.

Продолжая рассматривать способности Ин Нин, отметим, что она общается с умершими людьми. Девушка может описать ситуацию в мире мертвых. К примеру, она так аргументирует необходимость перезахоронения своей умершей матери-лисы: «моя мать осталась лежать в горах ... в (ее) могиле царят горе и досада». Но это еще не все. Кроме того, что лисы-оборотни могут общаться с умершими (и со спящими, входя в их сны), они еще могут быть невидимы. Эту способность лис Пу Сунлин часто использует в своих новеллах. Например, некий человек знакомится с незнакомой девушкой. Он приглашает ее к себе домой. «Когда она (прекрасная дева-лисица) вошла в дом плотника, никто из семьи Фына ее не видел, и Фын теперь только понял, что она не человек» (новелла «Плотник Фын»). В мировой сказке такого рода «невидимость» персонажей чрезвычайно распространена. Излюбленный сказочный мотив, когда к герою или героине обращается голос, носителя которого невидно, или им оказываются услуги невидимыми слугами (к примеру, на столах в гостиной пустого замка сами собой появляются роскошные блюда и питье). Способны быть невидимыми волшебные животные и чудовища: «...чудовище заплакало и исчезло» (сказка «Красавица и Чудовище» [20]). Наверняка, может быть невидимой и Ин Нин.

Отметим, что общение с мертвыми и спящими, невидимость - все это признаки духа. Превращение в духа для архаичного сознания имеет коррелят

с превращением в животное, потому что ему свойственно объединять мертвеца (который, не имея тела, невидим) и животное.

Смешливая Ин Нин - опытная и талантливая швея. Это еще один признак волшебницы в сказке, проецирующий обязательное для женщин в древности умение работать с нитью. Молодая супруга, придя в дом студента Вана, часто и охотно занимается вышивкой. Пу Сунлин по этому поводу пишет, что «ее рукоделия были совершенно исключительны по работе, удивительно ловки и тонки». Отметим и это важное обстоятельство.

У Ин Нин есть еще одна характерная черта – ее неудержимая страсть к растениям. Она, подобно лесной богине – дриаде, постоянно взбирается на деревья и сидит на их цветущих ветвях. Она часто говорит о цветах (абрикоса, персика, розы и других). Цветок, если так можно выразиться, визитная карточка Ин Нин. Она «любила цветы до безумия ... в течение нескольких месяцев крыльцо, ступени, заборы, даже ретирады (семейного дома студента Вана) оказались сплошь в цветах». Именно цветок она оставляет при первой встрече своему будущему супругу, который влюбляется в нее до полного самозабвения и уже с этим цветком не расстается. Интерес Ин Нин к растениям, по нашему мнению, далеко не случаен. Знание и умение работать с растениями, использовать их свойства в разных целях, как мы помним, есть признак магического мастерства.

Еще одно умение Ин Нин – способность влиять на сознание людей. Это влияние можно приписать и природному обаянию девушки: «все ее очень полюбили, а соседки, и девицы и замужние, наперебой старались ей угодить и понравиться». Однако, в отдельных случаях очевиден ее профессионализм. Однажды молодой сосед вспылал к замужней Ин Нин пламенным чувством. Той же ночью он неожиданно принимает за Ин Нин дерево (!) и занимается с ним любовью, причем, с летальным исходом. После этого случая девушку обвиняют в колдовстве, отец соседа подает бумагу начальству, «...в которой разоблачил все дьявольские причуды и странности Ин Нин». Начальство бу-

маге не верит, а зря – Ин Нин, как любой демон, вполне способна навести на человека морок и сыграть с ним «злую шутку» (как изящно выразился по поводу произошедшего сам Пу Сунлин).

Подводя итоги, еще раз обратим внимание на странные детали первого знакомства студента Вана со смешливой Ин Нин. Это важные детали для понимания ее колдовского потенциала. В связи с этим, процитируем начало фантастической новеллы в очередной раз. Итак, как мы помним, родственник У увел Вана на сельский праздник, а потом скрылся. «А Ван, видя, как «девы гуляют, словно тучи на небе», в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот он видит, что идет какая-то барышня, держась одной рукой за прислугу, а другой теребя ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставившись на нее и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов ... обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...

Душа его замерла, куда-то исчезла. В сильном унынии вернулся он домой, спрятал цветок под подушку, поник головой и уснул. После этого он перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая позвала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже - у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет скелетом».

Мы знаем теперь о смешливой Ин Нин больше. Поэтому можем сделать вывод, что ее поведение на первой встрече, включая игру с цветком дикой сливы, не случайно. Если встреча молодых людей специально подстроена, то, с учетом удивительных способностей смешливой Ин Нин, можно сделать следующее предположение. Опустошающая влюбленность студента Вана, чуть было не приведшая его к смерти, каким-то образом связана с сильнейшей любовной магией. Именно поэтому, ища противоядие, мать Вана «позвала монахов, служила молебны». С учетом демонической природы Ин Нин, это было правильное решение. Согласно мифам, демоны-лисицы в кон-

центрированном виде воплощают в себе темное женское начало, космическое «инь», отсюда их мистическая власть над мужчиной.

Укажем на еще один важный момент. Этот момент связан со временем, проведенным девушкой в магической школе. Речь идет не о неделях или месяцах. Как мы узнаем с ее слов, в заколдованной горной деревушке, под прищмотром своей бабушки она провела около 10 лет. Это очень большой срок. Он достаточен для отшлифовки природных дарований Ин Нин и овладения ею всяким премудростям.

Обозначенные в разных частях текста новеллы способности смешливой Ин Нин позволяют, словно из мозаики, сложить портрет юной волшебницы. При этом ее судьба не исключительна для сказочной «мудрой девы». Судьба Ин Нин типична и воспроизводится так или иначе у главных героинь многих сказок мира. Напомним, что та же история жизни была у Белоснежки. Если Ин Нин живет у своих родственниц-лисиц, то и гномы, у которых живет Белоснежка – духи подземного мира, отнюдь не чужие бледной принцессе. Белоснежка, скорее всего, сама – превращенный подземный дух или гномида. Отсюда и мертвенно белый цвет ее кожи, из-за которого она получила свое знаменитое имя. Кстати, согласно российскому Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, «мужские гномы обыкновенно безобразны, женские (гномиды) красивы». А Белоснежка славится своей красотой.

Волшебный дом гномов отражает некую магическую школу, где «преподает» в виде старухи ее красавица-мачеха. Легко посчитать, сколько времени Белоснежка проводит в этом месте. Родной дом эта девушка покидает, по тексту сказки Ш. Перро, в 8-мь лет. Замуж она выходит, будем думать, не позже 16-ти лет. Следовательно, Белоснежка училась около 8 лет; срок вполне соизмеримый со сроком учебы смешливой Ин Нин. То, что это время проведено с пользой, видно по концовке сказки Ш. Перро. Из хрустально-золотого гроба, словно бабочка из кокона, Белоснежка выходит исполненной сил юной волшебницей. Причем, также способной на «злую шутку». Читайте

сами конец этой сказки: «На свадебный пир (Белоснежки) была приглашена и злая мачеха ... Едва переступив порог свадебного чертога, она узнала в королеве Белоснежку и от ужаса с места двинуться не могла. Но для нее уже давно были приготовлены железные башмаки и поставлены на горящие угля... Их взяли клещами, притащили в комнату и поставили перед злой мачехой. Затем ее заставили вставить ноги в эти раскаленные башмаки и до тех пор плясать в них, пока она не грохнулась наземь мертвая» (Ш. Перро, сказка «Белоснежка ...»[11]).

Исторический анализ мировой волшебной сказки показывает следующее: Белоснежка и Золушка из западноевропейских сказок, Василиса и Аленушка из русских сказок, многие другие главные героини скрывают в себе реальных молодых девушек, которые в далеком прошлом проходили обучение в своих родовых святилищах.

Смешливая Ин Нин - одна из таких главных героинь.

Шаг № 9.

В поисках супруга.

Почему смешливая Ин Нин появляется именно в том селе, где живет студент Ван?

Появление Ин Нин в селе, где живет студент Ван, поначалу представляется читателю вполне естественным. В селе проходит праздник, там весело – много людей, еды, музыки и, наверняка, фейерверк. Приход на такой праздник молодых девушек (смешливой Ин Нин и ее подружки) представляется на первый взгляд вполне мотивированным. Но, при размышлении оказывается, что здесь мотив гораздо глубже и серьезнее, чем просто возможность повеселиться.

Сначала, обратим внимание на то, что лежит на поверхности. Итак, в селе проходит «Праздник фонарей» - окончание Нового года по восточному календарю. Это праздник особый, его аналоги - последние дни русской Масленицы и европейского пост-карнавального Дня святого Валентина. В этом празднике переплетены обряды почитания предков и молодоженов. То есть, в нем переплетены похоронная и брачная магия, исходящие из семейных ценностей, из ценностей рода. Согласимся, что это удачное время для знакомства молодых людей с целью создания новой семьи.

Также следует отметить, что «Праздник фонарей» - это не местный сельский праздник. Это древнейший праздник, который отмечают во всех селах и городах Китая. Однако, для того чтобы его отметить, смешливая Ин Нин со своей подругой выбирают село именно студента Вана. Их выбор - это очередной «странный случай». Кажущаяся обыденность их появления в этом селе на самом деле насквозь проблематична. Дело в том что, как было отмечено в новелле, между деревушкой в горном ущелье, в котором живет смешливая Ин Нин, и селом, где проживает студент Ван, расположено несколько других сел - больших и малых. На праздник можно было остановиться в любом из этих сел. Тем не менее, девушки не остановились в ближайших селах. Они упорно шли к селу Вана пешком, вечером, без провожатых около 15 верст (эта цифра указана в новелле (а с обратной дорогой все 30 верст)). То есть, они преодолели расстояние более чем солидное, многочасовое. Можно с уверенностью сказать: «удачный» выбор смешливой Ин Нин села для участия в празднике, а также крайне «удачное» время ее появления в этом селе не случайны. Они преднамеренны.

То же самое мы увидим, если обратим внимание на мировую сказку. В ней часто происходят такого рода встречи будущих молодоженов. Незамужние главные героини сказки отправляются в путешествие из заколдованного места очень прагматично. Они в конце своего запутанного пути выходят прямо на неженатого молодого человека. То есть, на своего потенциального

жениха. Приведем пример из русской сказки «Царевна-лягушка». В ней главная героиня Василиса живет в лягушачьей коже несколько лет в заколдованном месте – на болоте. Но вот царевичу Ивану приходит срок жениться, и он в поисках невесты запускает стрелу. И Василиса, подобрав эту стрелу, безошибочно выходит на царевича. «Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягушка в зубах... (и он ее) взял в жены» (А.Н. Афанасьев, сказка «Царевна-лягушка», вариант [2]).

Поведение смешливой Ин Нин, приходящей к своему потенциальному жениху, следует озвученному выше сказочному алгоритму. Ин Нин - многолетняя затворница заколдованного места. Но вот, когда для нее и студента Вана подошел брачный возраст, Ин Нин сбрасывает свою лисью шкуру и отправляется в далекое село на неминуемую встречу с будущим женихом. Расстояние и сложность ее маршрута, ее целеустремленность доказывает, что положительный результат этого путешествия был спланирован заранее.

Возникает дополнительный вопрос: кто главный проектировщик этого удачного путешествия? Кто определял замысловатые траектории движений потенциальных молодоженов: сначала невесты (смешливой Ин Нин) в далекое село во время «Праздника фонарей». А, затем, жениха (студента Вана) в обратном направлении, в горную деревушку?

Ответ на этот вопрос не так уж и сложен, если читать новеллу внимательно. Конечно же, это старшие родственники главных героев. И смешливая Ин Нин, и студент Ван готовы к созданию семьи. Было бы наивно думать, что старшие родственники равнодушны к их дальнейшей судьбе. Новелла вообще начинается с того, что показывает активность матери Вана в этом направлении. Уже в первом абзаце произведения сообщается, что она «сватала было ... ему (сыну) невесту из семьи Сяо, но та еще до брака умерла, и, как говорят, «клич феникса к милой подруге» бедному Вану так и не удался». Очевидно, мать студента Вана настойчиво продолжает поиски, «потихоньку заговаривая с ним (с сыном) о женитьбе». Наконец в дело вступает их даль-

ний родственник У, который становится посредником между двумя большими семьями: семьи студента Вана и семьи смешливой Ин Нин.

Реконструкция подлинных событий на «Празднике фонарей», произошедших в начале новеллы, могла бы быть следующей:

- старшими родственниками студента Вана и смешливой Ин Нин принято решение о свадьбе молодых людей; их местом знакомства выбирается окраина села, где живет Ван, дата встречи подбирается более чем символическая – связанный с брачными церемониями «Праздник фонарей»;

- в этот вечер смешливая Ин Нин с подругой выходят из заколдованной горной деревушки и направляются в село студента Вана, которое находится достаточно далеко на равнине;

- родственник У приглашает студента Вана на праздник, проходящий на окраине села; мать Вана, которая «чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом» (то есть, запрещала ранее подобные прогулки), в этот раз дает согласие на посещение окраины села;

- родственник У выводит студента Вана на окраину села и под неясным предлогом оставляет его одного; как только У, уходит появляется смешливая Ин Нин и околдовывает студента Вана, после чего возвращается обратно домой в горы;

- влюбленный студент Ван по намеку родственника У отправляется в деревушку в горном ущелье; там его встречают и оставляют жить с собой бабушка смешливой Ин Нин и сама молодая девушка;

- через несколько дней после появления молодого человека в заколдованной горной деревушке туда пребывают посланные матерью Вана люди; они приводят двух ослов: для студента Вана и смешливой Ин Нин; главные герои новеллы уезжают в родное село молодого человека.

Хорошие отношения старших родственников студента Вана и смешливой Ин Нин в фантастической новелле Пу Сунлина не прописаны явно, но они угадываются. Примерно такое же положение дел во взаимоотношениях

старших родственников жениха и невесты в мировой сказке. Они незримо влияют на поведение молодежи, подобно тому, как большие космические тела своим гравитационным полем влияют на траектории малых тел. Объяснить эти сказочные нюансы можно, обратившись к реальному историческому основанию. Напомним, в древности главную роль в создании новой семьи играли не личные отношения жениха и невесты, а брачные договоренности их старших родственников. Поэтому, положительное впечатление невеста и жених должны были произвести не только друг на друга. В первую очередь, положительное впечатление они должны были произвести на стоящие за ними семейства.

Шаг № 10. Обряд инициации невесты.

Почему Ин Нин не осталась со студентом Ваном сразу после того, как он в нее влюбился?

В данном случае речь идет о следующем, на первый взгляд, незначительном обстоятельстве. А именно. При встрече на празднике смешливая Ин Нин поражает своей красотой студента Вана в самое сердце. После этого она уходит обратно в свою горную деревушку к бабушке-оборотню. Для Пу Сунлина и его читателей здесь нет никакой проблемы, настолько этот момент выглядит естественным. Действительно, молодые люди совсем не знакомы. Мимолетная их встреча кажется случайной.

Сделаем, однако, предположение, что проблема здесь все-таки есть. Причина такого предположения заключается в том, что этот момент исчезновения главной героини после ее знакомства с суженым также типичен для мировой сказки. А, следовательно, за ним скрывается очередной исторический реликт. Судите сами.

Вот главная героиня сказки «Золушка». Она появляется на празднике, организованном отцом неженатого принца. Она танцует с принцем и очаровывает его. Но смотрите, что происходит далее! «Опомнившись, Золушка вырвала свою руку из руки принца и поспешила из дворца. Принц бросился догонять ее. Но тучельки быстрее молнии мелькали по ступеням широкой дворцовой лестницы. Принц не успел догнать девушку. Он услышал лишь, как хлопнула дверца и закрипели колеса отъезжавшей кареты» (Ш. Перро, сказка «Золушка» [9]).

Вот еще один пример: уже известная нам главная героиня Василиса из русской сказки «Царевна-лягушка». Василиса выходит замуж за Ивана-царевича и на празднике, устроенном его отцом, снимает свою лягушачью кожу. Она впервые оказывается перед всеми, включая своего супруга, во всей своей человеческой красе. Иван-царевич потрясен. Далее же происходит следующее: Василиса «говорит царевичу: «... а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве – у Кощея Бессмертного (то есть, у ее отца)». Обернулась белой лебедью и улетела в окно. (А.Н. Афанасьев, сказка «Царевна-лягушка», вариант [2]).

Итак, перед нами счастливый момент влюбленности молодых людей. Появляется шанс их благополучной семейной жизни. Но, вдруг (да еще по девичьей инициативе!), все откладывается на неопределенный срок. Замашки «золушки», покорив всех своей красотой, возвращаются с бала к себе на кухню, вновь измазываются грязью и прячутся. Зооморфные царевны, скинув на миг свои разнообразные животные обличья, вновь их на себя надевают и исчезают.

Складывая фрагменты мировой сказки, мы получаем единую схему «ухода» главной героини после знакомства с будущим мужем. Кстати, отметим, что в эту картину органично входит и так называемое «похищение» невесты. Это часто встречающийся эпизод, когда происходит похищение героини перед свадьбой или даже в ее процессе неким отрицательным персо-

нажем. Похищение такого рода следует рассматривать лишь как вариант неожиданного ухода. Собственно, это никакое не похищение девушки, но ее сопровождение в обратном направлении. Ведь таинственный адрес, в направлении которого уходит героиня, есть то самое заколдованное место, где она жила ранее. В сказках «Золушка» и «Царевна-Лягушка», да, впрочем, и в новелле Пу Сунлина, уход девушки обратно домой даже не скрывается. Следовательно, якобы «похитители» главной героини в мировой сказке: Кощей, Змей, ведьмы и другие страшные персонажи, есть ни кто иные, как отраженные в фольклоре реальные родственники невесты, которые сопровождают девушку на ее родовую территорию, в святилище. Возможно поэтому, смешливая Ин Нин появляется и исчезает из села студента Вана в сопровождении своей подруги.

Неожиданное исчезновение главной героини после ее встречи с избранником - необходимый элемент сказочного повествования. Это означает, что для архаичного сознания существует некая важная причина, из-за которой девушка, вступающая в брак, должна на какое-то время вернуться из мира обычных людей обратно в мир священный.

Такая причина действительно существует. Сказка в особой форме фиксирует чрезвычайно важное для древности событие. Речь идет о таком явлении, как инициация. В первоизданном виде этот ритуал сохранился до нашего времени только у примитивных племен. Однако, его отголоски можно обнаружить и в привычных современных церемониалах (к примеру, в сфере образования - это экзамен с последующей выдачей диплома). Ритуал инициации в глубокой древности был связан с посвящением молодых людей в полноценные члены своего рода. Смысл, который вкладывали древние в этот ключевой для всего ритуального комплекса обряд, заключался во временном уходе юношей и девушек в потусторонний мир предков. Там предки давали им разрешение на взрослую жизнь, в том числе, и на брак.

Возвратимся к китайской фантастической новелле. После встречи с Ин Нин на «Празднике фонарей» молодой человек пролежал несколько дней в любовной горячке. Потом он направился на поиски девушки и обнаружил ее в горной деревушке. Новелла не дает нам возможности ответить на вопрос, как провела эти дни смешливая Ин Нин. Однако, скорее всего, у исторического прототипа главной героини в этот период времени в родовом святилище состоялся обряд инициации.

В связи со сказанным выше, обратим внимание на одну интересную особенность смешливой Ин Нин, на ее знаменитый смех. Можно по-разному объяснять чрезмерную веселость главной героини, которая так явно отличает ее от окружающих людей. Это и молодость, и беззаботность, и даже «глупость» (как полагает, явно лукавя, ее бабушка). Однако, в научной литературе, в фольклористике, смеху и его историческим истокам посвящено много работ (к примеру, [13]). Как правило, в мифе и в сказке шутят и смеются персонажи, преисполненные магической силы. Примечательно, что с обыденной точки зрения, они шутят и смеются «зло». У них «злые шутки». Часть из них – злодеи. Одно из понятий в научной фольклористике, объединяющее весь спектр такого рода персонажей - «трикстер» (англ. *trickster* — обманщик). Трикстер - это веселое божество, некий дух, или человек, или антропоморфное животное. Он совершает противоправные действия, не подчиняется общим правилам поведения. Китайские лисы-оборотни в справочной литературе относятся именно к трикстерам. Смешливая Ин Нин, как мы видим, из их числа. Поэтому ее смех, кажущийся сугубо индивидуальной чертой характера, относится на самом деле к смеху особого фольклорного персонажа. Этот смех в своей исторической основе есть смех ритуальный. Этот смех является косвенным признаком мага, его бьющей жизненной силы, его тайного знания и умения, и связанной с ними необыкновенной удачливости. Следовательно, историческое лицо, скрываемое за образом смешливой Ин Нин имеет высокий магический статус, что тесно увязано с обрядом инициации.

Шаг № 11. Испытание жениха

Почему студент Ван уходит на поиски смешливой Ин Нин?

Логика исследования все время возвращает нас к началу новеллы, к тем «странным случаям», с которыми мы столкнулись в первых строчках повествования. Итак, студент Ван до смерти влюбился в незнакомку на сельском «Празднике фонарей» и, верный своему чувству, отправился искать исчезнувшую девушку. Какова истинная причина, по которой он (точнее, исторический тип молодого человека, скрывающийся за этим персонажем) направился на поиски своей будущей жены?

Мотив поиска, казалось бы, предельно четко акцентирован самим автором новеллы - студент Ван безнадежно влюблен. Тем не менее, тут скрывается очередная загадка. Она четко проявляется, как только осуществлен выход за рамки новеллы в мировую сказку. Существует устойчивый алгоритм: после судьбоносной встречи молодых людей за уходящей главной героиней всегда следует главный герой. Золушка бежит с бала, принц следует за ней, ищет ее. Царевна-лягушка исчезает, Иван-царевич собирается за ней в дальний путь. Студент Ван следует за смешливой Ин Нин также, как принц из сказки «Золушка» и царевич из сказки «Царевна-лягушка».

Алгоритм следования главного героя за героиней настолько присущ сказочному сюжету, что он срabатывает, даже когда молодой человек, по содержанию произведения, ненавидит девушку или боится ее. Последнее может показаться парадоксальным, поэтому приведем пример. В русской литературе есть повесть «Вий» известного русского писателя Н.В. Гоголя [5]. Текст повести создан на основе малороссийских историй про ведьм и другую нечисть. Имя главного героя повести Хома; как и Ван, он студент. Начинается произведение с того, что студент Хома вечером встречает, борется и уби-

вает старую ведьму. Далее оказывается, что старуха - ни кто иная, как молодая девушка - паночка. И через несколько дней после этой ужасной встречи студент Хома по требованию старших персонажей вынужден идти в село девушки для того, чтобы читать молитвы перед ее гробом. Между новеллой Пу Сунлина и повестью Гоголя есть существенные отличия. Можем ли мы в судьбах китайского студента Вана и русского студента Хомы найти что-то общее? На наш взгляд, можем. И поход главного героя в то место, где живет главная героиня - это один из тех случаев, которые их объединяют.

Так какой же реальный исторический смысл имело путешествие главного героя за исчезнувшей героиней? В чем был смысл его появления в заколдованном месте, где скрывается героиня, и встреча с его обитателями? Историческая основа данного этапа в структуре сказки достаточно хорошо рассмотрена в научной фольклористике. Речь об еще одном важном элементе, связанном с архаическим обрядом экзогамного брака - об испытании жениха, которое проходило в родовой общине невесты.

Еще раз повторимся, в древности симпатии молодоженов друг к другу второстепенны. В первую очередь, молодые люди должны понравиться старшим родственникам. Приходящий в род невесты жених строго оценивался - и как охотник, и как воин, и как маг. Сложность выполняемых заданий, жестокость обращения со стороны родственников невесты по отношению к жениху были обусловлены качеством проводимого испытания. Именно поэтому, в волшебной сказке главный герой, чтобы получить невесту, вынужден сражаться с многочисленными чудовищами. За этими страшными персонажами в исторической реальности стояли тесть, теща, другие родственники невесты, да, зачастую, и она, невеста. Именно поэтому в сказочной повести Гоголя «Вий» юная паночка (в виде старой ведьмы) вступает в схватку со студентом Хомой. Невеста, как экзаменатор, вот в чем секрет борьбы девушки с молодым человеком в мировой сказке.

Если рассматривать путешествие студента Вана в горную деревушку с точки зрения испытания героя, то можно оценить насколько сильно проявились мировые сказочные схемы в новелле. Ведь Ван - не только лирический герой новеллы Пу Сунлина, он в своем пределе - сказочный царевич. За его импульсивными на первый взгляд действиями проглядывает многотысячелетняя традиция. Сказочный царевич с честью выходит из проблемных ситуаций. Происходит это потому, что он готов к испытаниям, у него есть для этого необходимое знание и умение, есть волшебные помощники. Учеба студента Вана в конфуцианском училище, о которой вскользь упоминает автор, это не только эпизод индивидуальной биографии главного героя новеллы. В мировой сказке типичны заведения, в которых совместно проживающие молодые мужчины проходят обучение, хотя, поначалу, об этом трудно догадаться: какой-то дом разбойников, охотников, богатырей, даже гномов, как в сказке о Белоснежке. Поэтому за учебой студента Вана в конфуцианском училище необходимо видеть трансформированную автором новеллы учебу всяким премудростям типичного сказочного царевича. А если уйти от фольклора к его историческим основаниям – видеть учебу реального молодого человека в архаичном святилище своего рода.

В результате такой, оставшейся за рамками новеллы учебы, и оказалось продуктивным общение студента Вана с обитателями горной деревушки. Ведь за каждым их невинным вопросом или предложением студенту Вану скрывался подвох, обнаружить который можно лишь в сравнении с другими сказками. Вот, к примеру, бабушка смешливой Ин Нин предлагает студенту Вану совместную трапезу и оставляет его на ночь. Новелла оставляет впечатление обыденности этих действий хозяйки дома, «похожего на дом ученого». Однако, если мы обратимся к классической сказке, то увидим, что это не так. Эти действия следует понимать, как разновидность испытания главного героя. В русских сказках приходящий к людоеду Бабе-Яге царевич должен есть вместе с хозяйкой пищу и спать в ее доме. Иначе его ждет смерть. Поэтому

царевич русской сказки, чтобы избежать гибели, даже требует от Бабы-Яги: «ты бы меня накормила-напоила и спать уложила»! Конечно же, за этими требованиями сказочных персонажей скрываются детали древних магических обрядов, с их представлениями о том, что еду умерших, пребывание в мире умерших может осилить только «посвященный» в магию человек. Для обычных людей еда мертвых и их места предельно опасны: они не отпускают обратно, забирают память, превращают в животных и так далее.

С такой же точки зрения следует рассматривать предложение бабушки смешливой Ин Нин пришедшему к ней в гости студенту Вану почитать книги. За книгами скрываются атрибуты колдовства. Главный герой мировой сказки, пользуясь книгой, оборачивается в животное, становится бестелесным духом, ищет, гадает и так далее. В новелле данный момент отсутствует, но отсылка главного героя к книгам осталась, как сказочный рудимент.

Наконец, не случайно и предложение хозяйки к гостю пойти погулять в сад за домом, где находится павильон для отдыха и медитаций. По сути, перед нами искаженный многочисленными фольклорными средами жертвенник архаичного святилища. Напомним, что главный жертвенник - это условный центр мира для родовой общины, портал связывающий ее с миром предков. Признание студента Вана о своей любви к смешливой Ин Нин, предложение ей стать его женой происходит возле этого павильона. Можно говорить в данном случае о том, что слова жениха, пришедшего на священную территорию невесты, получают санкцию могущественных предков ее рода.

Во время вхождения студента Вана в горную деревушку, проживания в ней и ухода из нее с ним не произошло каких-то ужасных событий. Для читателей новеллы это кажется естественным. На периферии их внимания остается то обстоятельство, что все это время молодой человек провел в заколдованном месте (то есть, в иной, потусторонней реальности) в окружении демонов. В какой опасности он находился, подтверждает печальная участь его молодого сельского соседа, своеобразного «ложного героя». Напомним, что с

соседом смешливая Ин Нин непринужденно сыграла «злую шутку», которая закончилась смертью. Студент Ван, рассеянный и комичный в своей первой влюбленности, остался, наоборот, невредим. Его невредимость основана не только на том, что он понравился бабушке смешливой Ин Нин. У этой невредимости есть еще фольклорное основание, согласно которому главный герой обезоружил ужасную хозяйку животных и мертвых, показав ей весь свой магический арсенал. Наконец, у этой невредимости есть исторический фундамент, когда потенциальный жених удовлетворил своей подготовкой, своими знаниями старшую родственницу невесты - опытную женщину-жрицу, ревниво проверявшую его в разных ситуациях.

Справедливости ради следует сказать, что и смешливая Ин Нин прошла строгие смотрины в семье студента Вана. Все ее способности, начиная с работы с растениями, шитья, влияния на людей и заканчивая колдовством, обнаруживаются, когда она появляется в селе. Их демонстрация имеет адресат – это ее будущая свекровь, мать студента Вана не спускающая с Ин Нин глаз. Таким образом, главная героиня новеллы также оказалась включенной в фольклорный контур, в котором сказочные царевны проходят испытания родственников по линии жениха. А, посредством фольклора, в реальную историю.

Так экскурс по мировой сказке и по отражаемой ею исторической реальности открывает скрытые смыслы в поведении главных героев новеллы Пу Сунлина.

Шаг № 12 Правящая пара.

Почему образующие семейную пару смешливая Ин Нин и студент Ван – родственники?

Ин Нин и студент Ван – родственники. В первый раз эта информация появляется тогда, когда родственник У безудержно врет заболевшему от любви студенту Вану о местонахождении прекрасной незнакомки. Напомним, У пытается вытащить Вана из тяжелой любовной болезни путем обмана – якобы девушка уже найдена. Но найти прекрасную смешливую девушку не получается, поэтому У нужно придумывать небылицы, объясняющие задержку встречи молодых. Первая небылица заключалась в том, что найденная девушка живет далеко, «где-то в юго-восточных горах». Вторая в том, что она родственница студенту Вану. «Я-то думаю, - фантазирует У, - кто такая, а оказывается, дочь моей тетки и твоя троюродная сестра. Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь родственникам неудобно вступать в брак, хотя, знаешь, по правде говоря, всегда это налаживается».

Вранье родственника У подтверждается необычным способом. Когда, выздоровев, студент Ван появляется в вымышленной горной деревушке, его признает за своего родственника главный демон – бабушка смешливой Ин Нин.

«Старуха спрашивает его:

- Вашего деда по матери не была ли фамилия У?

- Да!

Старуха изумилась и промолвила:

- Да вы ведь мой племянник. Ваша мать - моя сестра. ... А ты, племянник, вот уже какой вырос, я и не признала тебя!

- Да я к вам ведь и шел, тетя, - сказал студент».

Далее по тексту новеллы приходит всеобщее прозрение.

«Когда прибыли домой, мать студента, увидя красавицу, с удивлением спросила, кто это. Студент сказал, что это дочь тетки.

- Как? - удивилась мать. - Ведь то, что тебе говорил У, был вздор...

Спросили девицу; та отвечала:

- ...Мой отец был по фамилии Цинь. Когда он умер, я была еще в пеленках и потому не помню его.

- Это правда, - согласилась мать, - у меня была сестра замужем за неким Цинь ... .

Пока они недоумевали и рассуждали, пришел У. Девица убежала в дом. У расспросил обо всем и, узнав, долго молчал в полном недоумении, потом вдруг спросил:

- А что, эту девицу не зовут ли Ин Нин?».

Постепенно картина для читателя проясняется, так как в разговоре выясняется, что родственники студента Вана о родословной его невесты неплохо осведомлены. Хотя она на редкость запутана. Оказалось, что сестра матери студента Вана вышла замуж за некоего Цинь, после чего умерла. И тут же с вдовцом Цинь стала жить лиса-оборотень. Затем Цинь умирает, а демон в женском облике рождает смешливую Ин Нин. После чего демон тоже умирает, и отныне, воспитанием девочки занимается ее бабушка. Бабушка, которая, напомним, при встрече со студентом Вана, говорит, что она сестра его матери.

Как уже было показано выше, к смертям родителей в сказке следует относиться с осторожностью. О смерти отца Ин Нин, господина Циня должен быть отдельный разговор. Что касается ее матери, то, скорее всего, здесь ситуация следующая: сестра матери студента Вана не простая женщина, а маг (колдунья). Она собрала в своем образе весь магический спектр: живого человека, мертвеца, животного (лисы) и даже старухи.

Таким образом, утверждения о родственной связи смешливой Ин Нин и студента Вана имеют под собой основания: они действительно родственники. Причем, отметим, родственники по женской линии.

Брак родственников по женской линии - это очередной «странный случай» на которые оказалось так богато произведение Пу Сунлина. Казалось

бы, это досадный «нюанс» родословной героев. На самом деле он открывает в их отношениях невероятный по глубине исторический пласт.

Речь в данном случае идет вот о чем. На поздних стадиях развития человечества возникает интересное явление - запрет на инцест, иначе, на половые связи между близкими родственниками. Причины такого запрета до сих пор являются предметом дискуссии ученых. Объективно, такого рода запрет препятствовал вырождению малой группы родственников, иначе, рода. Но его значение этой функцией не ограничивалось. Он сыграл такую большую роль в социальной трансформации архаичного общества, что причисляется к ключевым факторам антропогенеза наряду с трудом и речью. Запрет на инцест приводил к тому, что род переставал быть изолированной, замкнутой на себе социальной единицей и искал выходы на другие рода. На основе обмена половыми партнерами, как считается, позже выработался обмен знаниями, вещами (торговля), создавались союзнические отношения. Объединения союзных родов создавали предпосылки для возникновения крупных социальных общностей – племен, в перспективе, государств.

Однако оставалось одно важное обстоятельство. Внешние брачные связи (их в науке называют «экзогамные») решали запрет на инцест не полностью. Причина была в том, что браки заключались с соседними родами. Поколения таких обменов приводили к тому, что экзогамные рода становились родственными друг другу. К примеру, если невесты из поколения в поколение брались из соседнего рода, то мать, и бабушка, и вся женская линия жениха в целом была родственной невесте. В связи с этим оказывалось, что молодой человек, приезжающий в род невесты был ей не чуждым по крови. Отсюда изначально благосклонное отношение к нему еще до того, как он показал свое знание ритуалов. Отсюда допуск его к священным местам. Строгость испытания жениха в роде невесты в таких условиях, это, в каком-то смысле, «родственная» строгость.

Мировая сказка, так или иначе, обыгрывает указанное выше обстоятельство. К примеру, в уже не раз процитированной сказке А.С. Пушкина о царе Салтане. В этой сказке сын царя, молодой человек по имени Гвидон случайно прибывает на необитаемый остров, где появляется заколдованный город. Там Гвидона неожиданно избирают правителем. Там же он позже находит себе невесту – Царевну Лебедь. Почему жители города выбирают Гвидона правителем и санкционируют статусный брачный союз, в рамках сказки неясно. Это становится понятным, если учесть влияние на сказку исторически реальных экзогамных процедур. Молодого человека избирают правителем потому, что его мать это бывшая царевна из этого города. А Царевна Лебедь - это младшая родственница матери, царственная невеста из нового поколения.

Учитывает нюансы экзогамных связей и научная фольклористика. К примеру, часть исследователей может считать, что умершая мать и приходящая на ее место мачеха - это одно и то же лицо. Другая часть исследователей придерживается иного мнения. Однако, происходящая в сказке замена матери на мачеху все равно не имеет для исследователей принципиального значения. Почему? Потому что все они исходят из того факта, что исторический прототип, скрывающийся за образом мачехи сказочной героини в ретроспективе берется из рода ее матери. Условно говоря, мачеха - прямая родственница матери героини. В результате такого понимания страдания Белоснежки, или Золушки, или других сказочных девушек от рук своих зловредных мачех имеют для исследователей совсем иное объяснение, чем объяснение сказочника.

Тем не менее, новелла Пу Сунлина - один из редких примеров в мировой сказке прямого указания на родственную связь между супругами, которая объективно присутствовала в архаичном обществе. Это говорит о том, что китайский автор воспользовался в создании своей новеллы весьма древним фольклорным субстратом.

В связи с изложенным выше, уточним и родословную самого студента Вана. Уже было указано, что мать жениха, точнее, все поколения по его материнской линии, находились в родственной связи с его невестой. То есть, все эти женщины принадлежали к одному роду, к одному тотему, который представлял из себя, как правило, животное. В это животное они и могли «оборачиваться». Именно поэтому, и сестра матери студента Вана (которая была «замужем за неким Цинь»), и его невеста Ин Нин являются лисами-оборотнями. Более того, общение студента Вана с демонами в горной деревушке проходит гладко еще и потому, что они принимают его за «своего». В жилах студента Вана течет бесовская кровь.

Шаг № 13 Волшебное дитя.

Что за ребенок рождается у смешливой Ин Нин?

Новелла заканчивается благостной картиной счастливой семьи. Пройдя через бытовые несуразности, молодожены и старшее поколение их родственников, наконец, привыкают друг к другу. Закономерный результат устанавливаемой семейной гармонии – рождение ребенка. «Через год (после замужества со студентом Ваном) Ин Нин родила сына».

Тему ребенка Ин Нин можно было бы не раскрывать, если бы Пу Сунлин ограничился только таким упоминанием о нем или при описании показал его обыкновенность. Однако, ситуация в новелле немного сложнее. Как бы вскользь автор показывает именно необыкновенность младенца. Ребенок Ин Нин не боится чужих людей, он не плачет, более того, «увидит кого - сейчас смеется». «Много, видно, было в нем материнского» - так замечает автор новеллы, заканчивая свою фантастическую новеллу.

Перед нами еще один из примеров того, что свое произведение китайский автор писал, опираясь на более древние сказания. Эта, на первый взгляд совершенно невинная характеристика, данная ребенку смешливой Ин Нин на

самом деле является очередным «странным случаем», который свидетельствует об исторической глубине. Он заставляет нас обратиться к интереснейшей проблеме. Проблеме, которая связана с одной категорией сказочных детей, выделяемой исследователями при анализе фольклора. Речь, в данном случае, идет о волшебных детях.

Обратим еще раз внимание на произведение А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...», где главный герой – князь Гвидон. У Пу Сунлина в новелле необычный ребенок, у А.С. Пушкина - тот же самый случай. У молодого князя Гвидона с детства есть удивительные способности: он вырос «не по дням, а по часам» (то есть, сразу повзрослел), он управлял стихией (водой), позже с помощью будущей жены он стал превращаться в животных (шмеля, комара и других). При этом, из отцовского дома он ребенком изгоняется под предлогом, что имеет другого отца. Предлог выдумывают старшие сестры его матери. Ситуация указывает на то, что Гвидон был волшебным ребенком. Каждое отмеченное выше качество князя Гвидона имеет основательную традицию в мировой сказке. Кроме уже указанных выше качеств, эти удивительные сказочные дети умны настолько, что могут учить взрослых, знают языки животных и птиц, умеют предсказывать будущее и обладают необыкновенной силой. Наконец, они маги и могут совершать чудеса.

Если мы будем искать какие-то маркеры, позволяющие определять таких детей, то заметим следующее: как правило, они первенцы. Кроме того, относительно их существует явная или скрытая проблема отцовства. Указанные маркеры перешли из фольклора в более поздние культурные формы. Их можно обнаружить в развитой мифологии, в древних политеистических и, даже, в монотеистических культах, которые появились позднее.

Есть проблема отцовства у основателей мировых религий: Моисея, Будды, Иисуса Христа. Так, согласно буддийской традиции, матери Будды в ночь зачатия приснилось, что в нее вошел белый слон с шестью бивнями. Ко-

гда Будда родился, он сразу заговорил, а приглашенные брахманы признали, что из него вырастет или великий воин, или великий святой.

Согласно Евангелиям, Иисус - сын не законного супруга своей матери, но божественного родителя. Он первенец. Он в отрочестве уже учит людей в синагоге, удивляя всех своей мудростью. Он знает будущее, борется со злыми силами, совершает чудеса и так далее.

Если говорить о великих китайских святых, то можно отметить, что основатель даосизма Лао-цзы имеет в чем-то похожую биографию. Согласно даосским легендам, его подлинный отец якобы также неизвестен, Лао-цзы является первенцем своей матери, он мудрец, предсказатель, способен к чудесам. Исследователи, изучающие даосское наследие, делают вывод о том, что «его (Лао-цзы) рождение ... обставлено, как абсолютно непорочное и по своему характеру напоминает появление на свет Иисуса Христа и Будды» (Маслов [10]).

Чтобы акцентировать внимание на культурном моменте чудесного первенца, его связь с иным миром, приведем характерную цитату из российской энциклопедии «Духовная культура Китая». Говоря о понимании древними китайцами феномена рождения человека, авторы энциклопедии отмечают интересную ассоциативную связь. «В древнекитайском языке само понятие «удар грома» (*чжень*) этимологически связано с понятием «забеременеть», в чем можно увидеть реликты древних представлений, согласно которым рождение предков ассоциировалось с (обоожествляемым) громом или говорником, «громовым драконом». Иероглиф *чжень* означал и «старшего сына» в семье (то есть, первенца)» ([7], стр. 19).

Найти правильное объяснение феномена волшебного ребенка и его связи с первородством в рамках фольклора, наверное, невозможно. Но если отыскать его исторические истоки, то ситуация существенно прояснится. Эти истоки уходят в уже отмеченный выше обряд инициации девушки, после которого она получала разрешение на брак.

Структура обряда инициации девушки имеет ряд ключевых элементов. Один из них - ее ритуальная дефлорация (лишение невинности), которая проводилась в родовом святилище. Иными словами, обычный брак для девушки предварялся браком священным, браком с мужскими тотемами в лице уже посвященных старших родственников-мужчин. Лишение девушки невинности в этих условиях интерпретировалось членами родовой общины, как санкция предков невесты на продолжение рода. Предки входили в жрецов-мужчин во время обряда инициации. Что касается жениха, то он, как человек чуждый роду невесты (а, следовательно, и ритуалам ее рода), в этом обряде участия не принимал.

Косвенно такое предположение подтверждает и древняя практика жертвоприношения детей-первенцев у многих народов мира. В прошлом какую-то часть первенцев, рождавшихся у женщин, убивали. По этой теме существует специальная литература, фиксирующая долгую историю и обширную географию, а также многообразие способов ритуального убийства тех, кто есть, говоря библейскими словами (раскрывающими этот обычай у семитоязычных народов) «первый плод (женской) утробы» [4, Иез. 20:26].

В русле этой темы отметим, что в древности в жертву приносят не только первенцев людей. В жертву систематически приносят и первый приплод животных, и первые плоды растений. И такая практика сохранилась гораздо дольше, чем человеческие жертвы. Причина такого жертвенного выбора животных и растений та же. Например, первые плоды урожая - это результат развития первых семян. А первые семена сеются ритуально в ходе сложных земледельческих обрядов, проводимых жрецами. То есть, с точки зрения архаичного сознания, первые плоды - это результат деятельности не человека, но действующих посредством его высших сил. Такая же логика присутствует и при объяснении причины рождения первенца. В отличие от детей, рождающихся в браке, первенец для архаичного сознания считается ребенком не законного мужа, но – тотема. Из этого исходит понимание жертвенности

ребенка, необходимости его возвращения обратно в потусторонний мир. Первенец – жертва предкам во благо родственников, остающихся жить. В случае же отсрочки жертвоприношения на какое-то время или его отмены, волшебный ребенок начинает демонстрировать свои удивительные способности, чудесный дар потустороннего отцовства.

Вот какой скрытый смысл можно найти в сказанных мимоходом словах Пу Сунлина относительно необычного ребенка смешливой Ин Нин.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Смешливая Ин Нин и студент Ван - тоже первенцы. И, как оказывается, их отцов уже давно нет в живых. Матери же их имеют прямую родственную связь. То есть исторические прототипы матерей главных героев новеллы проходили инициацию в одном родовом святилище. Это также допускает возможность отнесения смешливой Ин Нин и студента Вана к категории «волшебных детей». Поэтому их брачный союз в новелле есть причудливое отражение брачного союза исторически-реальных молодых жрецов, образующих правящую пару родовой общины.

Заключение.

Авторская переработка сказочного текста делает его чрезвычайно лиричным. Герои сказок в изложении А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Пу Сунлина, других известных писателей перестают быть типичными. Они получают оригинальные черты характера, личные качества и причудливую биографию. Кажется, что и проблемы, которые встают перед этими героями, во многом обусловлены случайными жизненными обстоятельствами, а успешное решение этих проблем связано с индивидуальностью их мышления и удачей.

Однако, такое восприятие авторского текста было бы ошибочным. Это замечание в полной мере относится к творчеству Пу Сунлина. Повторимся, китайский новеллист, в первую очередь, не бытописатель, а религиозный мыслитель, мистик. Когда Пу Сунлин описывает какие-то события: встречу, битву, смерть, это описание всегда имеет «второе дно». Происходит это потому, что исходным в его варианте авторской сказки является не бытовой натурализм, то есть натурализм сегодняшнего дня - ситуативный и изменчивый. Исходным здесь является тысячелетняя устная и письменная традиция китайских «рассказов об удивительном». Она отразила древний и неизменный сказочно-мифологический стандарт. Сопротивление этого стандарта разным сюжетным новациям автора открывает его подлинное историческое основание - ритуальный комплекс, развивающийся с глубокой древности (тысячи лет, возможно, десятки тысяч лет).

Осознание учеными сложных взаимосвязей между народным творчеством и историей народа уже в конце XIX - начале XX веков привело к тому, что фольклор в целом, и волшебная сказка в частности, становится предметом разностороннего научного исследования. Учеными был проделан колоссальный труд, чтобы выделить существенные моменты в сказках самых разных народов мира, определить их структуру, раскрыть основные сюжетные линии, схожесть мотивов и функций персонажей; далее - сформулировать

целый ряд оригинальных гипотез, а затем, по мере подтверждения этих гипотез, зафиксировать многочисленные связи мировой сказки с исторической реальностью, со сложнейшим универсумом архаичного общества.

Проведенное нами исследование новеллы «Смешливая Ин Нин» было бы невозможным без этих научных достижений мировой фольклорной школы. Оказалось, что за индивидуальными персонажами новеллы стоят традиционные сказочные типы. За, казалось бы, обыденными ситуациями, в которые эти персонажи вовлечены – стандартные сказочные модели. Понимание этого позволило проникнуть на более глубокий уровень культурного бытия и истории китайского народа.

В ходе осуществленного пошагового расследования оказалось, что фольклорным прототипом смешливой Ин Нин является молодая сказочная царевна. Покинув родной дворец, уйдя в особое волшебное место, она под руководством своей родственницы, опытной колдуньи, постигает азы магического искусства. В процессе учебы и разнообразных испытаний, с ней связанных, эта царевна становится необыкновенной по мощи волшебницей; такой тип в фольклористике получил особое название - «мудрая дева». В этом качестве она готова к счастливому браку.

Наше расследование относительно истинной природы смеющейся Ин Нин было бы неполным, если бы мы остановились только на ее фольклорном прототипе. Поэтому наш пошаговый детектив все время коррелировался отсылками к исторической реальности. В этом случае образ сказочной царевны выявлял представительницу архаичной родовой аристократии. В первую очередь, речь могла идти о дочери главы рода. Целью обучения такой девушки являлась подготовка верховной жрицы, супруги будущего руководителя родовой общины. Для достижения этой цели девушка еще подростком изымалась из обыденного мира и начинала вести многолетнюю скрытную жизнь неопита, посвящаемого в различные виды деятельности рода. Такая скрытность была обусловлена специфическим пониманием сути происходящего в

нашем мире. Древние люди были уверены, что все происходящее в нашем мире имеет потустороннюю основу и санкционировано предками (тотемами рода). Отсюда магический характер производственной (охота, собирательство), бытовой, сексуальной и иной деятельности, которую осваивала девушка-ученица. Преподавателями на занятиях с девушкой становились авторитетные члены рода. В первую очередь, это были ее родители и ближайшие родственники, имевшие высокий статус посвящения в тайны жизнедеятельности рода, его историю и ритуалы. В процессе учебы и в ее конце – во время обряда инициации, они проводили проверки знания и умения ученицы. Происходило это, зачастую, в жесткой форме, с использованием разнообразных знаков и специальных средств. Нередко это приводило к измененным состояниям сознания, понимаемого ученицей и окружающими ее людьми как путешествие в иной мир. В результате проводимого интенсивного учебного курса формировался уникальный по глубине освоения опыта предков носитель родового сознания. Такой человек получал право на брак и создание семьи. Полученные юной жрицей знания и умения позволяли ей достойно презентовать себя своему будущему супругу и его родственникам, которые были членами соседнего рода или родового союза. Так создавались условия для появления новой правящей пары родовой общины архаичного общества.

В случае с историческим прототипом китайской героини - смешливой Ин Нин, можно дать более конкретную информацию. Для этого нужно локализовать эволюцию евразийских родовых общин позднего мезолита / раннего неолита территорией Китая. Точнее, ее северо-восточной частью - провинцией Шаньдун, которая была родиной Пу Сунлина и персонажей его новеллы. Следует отметить, что здесь современная наука имеет в своем распоряжении богатый археологический материал.

Считается, что провинция Шаньдун (на протяжении последнего десятка тысяч лет это архипелаг, превращающийся в полуостров) освоена человеком достаточно давно. В ней, в указанное время, образуются сложные родо-

вые структуры, растет население. Поэтому, подобно насыщенному раствору, данная зона стала источником кристаллизации крупных социальных образований, в том числе государственных.

Некоторые из этих образований имеют важное значение для китайской истории, поэтому назовем их. Первым неолитическим очагом культуры в провинции Шаньдун стал Бейсинь (с VI тыс. до н.э.), далее, так называемый, шаньдунский вариант культурной общности Лушань (с III тыс. до н.э.). В конце II тыс. до н.э. в регионе среднего течения реки Хуанхе возникло сильно связанное с шаньдунскими общностями, государственное образование Эрлитоу (отождествляется многими учеными с легендарной династией Ся). Впоследствии оно сменилось государством Шан-Инь (1600 – 1046 гг. до н.э.). В XI веке до н.э. Шан-Инь сменилось древним государством Чжоу; Шаньдун был одной из его основ.

Сложные социальные структуры, особенно, если речь идет о государстве, не могут появиться на пустом месте. Факт их развития свидетельствует о многотысячелетней культурной почве, включающей в себя, в том числе, религиозную составляющую. Эти тысячи лет в провинции Шаньдун культивируются шаманские практики. Причем, с учетом матриархальности архаичного общества, ключевую роль здесь играют женщины. Они ведут отшельническую жизнь, главное искусство которой «ускользать от людей, живя среди них». Для общения с предками женщины-шаманки покидали небольшие общины, ведущие незамысловатую хозяйственную деятельность. Они поднимались высоко в горы, в специальные места на их вершинах, недоступные для обычных людей. Уже в эпоху письменности одно из названий такого рода отшельников - «сянь». Первоначальное значение этого иероглифа – «человек в горах», позже его значением стало «духи, что поселяются на самых вершинах гор» («Шо вень цзе-цзы», словарь китайского языка начала н.э.). Понимание термина «сянь» в «Каноне песнопений» («Ши цзин», XI – VI века до н.э.), может дополнительно трактоваться как «танцевать», пританцовыв-

вать», что является элементом шаманских практик. Таким образом, под отшельниками «сянь» мы понимаем древнекитайских медиумов и магов, посредников между мирами. Поднимаясь в горы и используя разнообразный арсенал средств, они, как представлялось древним, совершали путешествие в потусторонний мир. За счет этого они якобы становились способны совершать чудеса, менять внешний облик, в том числе, на облик животного, врачевать и предсказывать будущее. Несомненно, существовала и особая традиция передачи знания и навыков шаманизма молодому поколению. С учетом того, что в это время основной социальной ячейкой была родовая община, эти знания и навыки передавались младшим родственникам.

Подводя итоги нашего детективного расследования, мы имеем все основания сказать о том, что смешливая Ин Нин - из когорты этих горных женщин-медиумов. Она, конечно же, чрезвычайно молодая и веселая девушка. Но она не проста и не легкомысленна. Это девушка, которая прошла серьезную школу образования и воспитания, получившая священное знание и имеющая практический опыт по его применению. Интуиция Пу Сунлина, проявленная им в «Послесловии» своей фантастической новеллы, оказалась верна. За образом главной героини его новеллы стоит преломленный в разных фольклорных средах исторический прототип молодой девушки-шамана, юной жрицы. Смешливая Ин Нин действительно есть никто иная, как «отшельник, скрывающийся в смехе».

Библиография:

1. Алексеев В.М. Предисловие / Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). – СПб.: Петерб. востоковедение, 2000
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984–1985.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / Славянская мифология. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008.
4. Библия.
5. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. I. – М.: Правда, 1984
6. Гримм Я., Гримм В. Сказки: Эленбергская рукопись 1810 г. – М.: Книга, 1988
7. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. – М.: Вост. лит. [Т. 2] Мифология. Религии. – 2007.
8. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии / Сборник Д.К. Зеленина. – СПб., 1997
9. Книга тысячи и одной ночи: в 8 т. / пер. с араб. М.А. Са-лье. – М.: Гослитиздат, 1958
10. Маслов А.А. Тайный смысл и разгадка кодов Лао-цзы. – М.: Феникс, 2005
11. Перро Ш. Сказки. – М.: Росмэн, 2010
12. Пропп В.Я. Морфология сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп: Собр. тр. – М.: Лабиринт-МП, 1998.
13. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В.Я. Пропп: Собр. тр. – М.: Лабиринт-МП, 1998.
14. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и). – СПб.: Петерб. востоковедение, 2000

15. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1985
16. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1994
17. Семенов В.А. Святилище – священная территория – мифологизированное пространство // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы научной конференции, 14–17 ноября 2000 г. – СПб., 2000.
18. Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. XII. – М.: Гослитиздат, 1948
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XVII А (16), – СПб.: типография И.А. Ефрона, 1893
20. Рифтин. Б.Л. Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ//Мифы древнего Китая.- М.:Наука, 1965 - с.449-477

Интернет-ссылки

21. Википедия.(<https://ru.wikipedia.org>)
22. Лепренс де Бомон Жанна-Мари (<http://www.hobobo.ru/catalog/skazka/krasavitsa-i-chudovische>).
23. Литературная энциклопедия 1929-1939. СИЭ - А.П. Горкина.,СЛТ-М. Петровский. (<http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop>)

Пу Сунлинь.

Новелла «Смешливая Ин Нин».

Ван Цзы-фу из Лодяня провинции Шаньдун рано лишился отца. Обладая недюжинными способностями, он уже четырнадцати лет «вошел во дворец полукруглого бассейна». Мать чрезвычайно его любила и берегла, не позволяя ему без дела гулять за селом, по безлюдным местам. Сосватала было она ему невесту из семьи Сяо, но та еще до брака умерла, и, как говорят, «клич феникса к милой подруге» бедному Вану так и не удался.

Дело было 15-го числа первой луны. К Вану зашел его двоюродный брат, студент У, и увлек его с собой посмотреть на праздник. Только что вышли они за село, как за У прибежал слуга и позвал его домой. У ушел, а Ван, видя, как «девы гуляют, словно тучи на небе», в возбужденном упоении пошел гулять один. И вот он видит, что идет какая-то барышня, держась одной рукой за прислугу, а другой теребя ветку цветущей дикой сливы. Лицо ее такой красоты, что в мире не сыщешь, и смеется, смеется. Студент остановился, уставившись на нее и забывая о всяком приличии. Барышня прошла еще несколько шагов и говорит, обратясь к служанке:

- Смотри, как у этого молодца горят глаза. Словно у разбойника!

Обронила цветок на землю и удалилась, смеясь и болтая. Студент подобрал цветок, грустно-грустно задумался...

Душа его замерла, куда-то исчезла. В сильном унынии вернулся он домой, спрятал цветок под подушку, поник головой и уснул. После этого он перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая позвала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже - у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет скелетом. Пришел врач, посмотрел, пощупал, дал лекарство, вызвал пот... Студент только бормотал что-то в забытьи, словно помешанный. Мать ласково спрашивала его, что с ним, Ван не отвечал ни слова.

Зашел как-то У. По секрету мать наказала ему допытаться у больного о причине его болезни. У подошел к постели; при виде его у Вана покатались слезы. У стал утешать его, помаленьку расспрашивая, и тогда Ван сказал ему все, как было, и просил дать совет, как и что делать. У засмеялся и сказал:

- Какой ты, братец, чудак! Разве трудно сделать то, что тебе надо? Я просто спрошу, поищу ее - вот и все. Ведь раз она шла пешком по полю, то уж наверное не из богатого, знатного дома, и если она еще не замужем, тогда дело твое, вероятно, сладится. Если нет, то дадим им круглую сумму, и тогда наверное согласятся. Ты только поправляйся, дело это я уж беру на себя.

Услыша такие слова, Ван невольно улыбнулся и повеселел.

У вышел от больного, рассказал все это матери и стал искать, где живет красивая девушка. Но сколько он ни расспрашивал, не находил никаких следов. Мать снова сильно забеспокоилась, не зная, что делать. А с тех пор как ушел У, лицо больного стало вдруг проясняться, и он даже начал понемногу принимать пищу. Так прошло несколько дней. У снова пришел, и студент кинулся к нему с вопросами: «Нашел девушку, кто она?» У пришлось обмануть друга.

- Нашел! - сказал он. - Готово! Я-то думаю, кто такая, а оказывается - дочь моей тетки и твоя троюродная сестра. Теперь мы еще чуть-чуть повременим свататься: ведь родственникам неудобно вступать в брак, хотя, знаешь, по правде говоря, всегда это налаживается. Студент так обрадовался, что у него даже брови поднялись, и спросил, где же она живет. У продолжал врать:

- Там, в юго-восточных горах, верстах этак в пятнадцати отсюда.

Ван еще и еще раз просил похлопотать. С решительным и смелым видом У взял все это на себя и ушел. С этих пор студент стал есть все лучше и лучше, с каждым днем приближаясь к окончательному выздоровлению. Посмотрел он под подушку: цветок хотя и засох, но был цел, - и вот, весь уйдя в

воспоминания, он держал его в руке и любовался, словно видя перед собой девушку. Затем, дивясь, почему У не приходит, послал ему записку, приглашая зайти, но У под разными предлогами не приходил. Тогда Ван разозлился и опять затосковал. Мать, боясь, как бы он снова не захворал, стала спешно искать ему невесту, потихоньку заговаривая с ним о женитьбе, но Ван всякий раз отрицательно мотал головой, не желая слушать; он со дня на день поджидал У, а оттого попрежнему не было никаких вестей. Тоскуя и досадуя, Ван подумал, наконец, что каких-нибудь пятнадцать верст вовсе уж не такая даль, чтобы стоило из-за этого кланяться человеку и от него зависеть. Взял нежно цветок, спрятал его в рукав и, набравшись духу, сам отправился искать девушку. А дома никто и не знал, что он ушел. Нерешительно шагая, не зная, у кого спросить дорогу, он пошел прямо к южным горам. Пройдя около пятнадцати верст, он очутился среди гор, обступивших его со всех сторон... Было пустынно и красиво. Всюду сине-зеленые тона и чистый воздух, бодрящий тело... И тихо, тихо - ни одного прохожего. Нет и дороги, лишь «птичьи пути», не для людей. Взглянул вглубь ущелья - и видит, что где-то там, среди лесных чащ и цветочных полян, как будто притаилась маленькая деревушка. Сошел с горы, направляясь в деревню. Видит, домов немного, и все бедные хижины, хотя вид имеют очень чистый и привлекательный. У входа в один дом растут шелковистые ивы, за забором видны персики и сливы вперемежку с высокими, стройными бамбуками, в листве порхают и щебечут вольные птицы. Ван подумал, что это, пожалуй, сад и дом какого-нибудь ученого, и не посмел войти сразу, но, оглянувшись вокруг и высмотрев против дома большой гладкий камень, уселся на него и решил отдохнуть. Вдруг слышит, как за забором девушка кокетливо-нежным голосом протяжно зовет какую-то Сяо Жун. Только что он прислушался, как девушка вышла из дома с цветком абрикоса в руках, нагнулась и стала закалывать шпильку. Увидя студента, она остановилась и, еле сдерживая смех, вернулась в дом. Ван пристально всмотрелся: так и есть, это она - та самая, которую он встретил на празднике.

Сердце его забилося бешеною радостью, но как войти, под каким предлогом? Хотел было позвать тетку, но, не будучи знаком с нею, побоялся ошибиться. Спросить некого. И вот он, то сидя, то лежа, то гуляя взад и вперед с утра и до захода солнца, просмотрел все глаза, даже забыл о голоде. Лишь время от времени он видел, как девушка, выставив половину лица, приходила посмотреть на него и делала вид, что удивляется, почему он не уходит. Наконец, вышла старуха, опираясь на палку, и обратилась к студенту с вопросом:

- Откуда вы, господин? Мне говорят, что вы пришли с утра и сидите здесь до сих пор. Что вы хотите делать? И разве вы не голодны?

Ван вскочил на ноги и, приветствуя старуху, отвечал:

- Хочу повидать своих родственников.

Старуха была глуха; она растерянно сказала:

- Не слышу!

Ван повторил громче. Тогда старуха спросила:

- А как фамилия ваших почтенных родственников?

Студент ответить не мог. Старуха засмеялась.

- Как странно, - сказала она, - даже фамилии не знаете: как же родственников можно разыскать, не зная их имени? Гляжу я на вас и вижу, что вы ученый дурень. Идемте-ка лучше за мной. Я дам вам поесть. Дома у меня найдется для вас и небольшая постель. Выспитесь, а утром отправляйтесь себе домой, узнайте, наконец, фамилию ваших родственников и приходите опять искать; ничего, не опоздаете!

Ван только теперь почувствовал голод и в надежде поесть, а главное, сознавая, что это приближает его к красавице, сильно обрадовался и пошел в дом вслед за старухой. Видит,- во дворе дорожка устлана ровным белым камнем, красные цветы сжимают ее с обеих сторон, лепесток за лепестком роняя на ступени. Прошли к западу, открыли еще ворота - весь двор наполнен цветами, парниками, куртинами. Старуха ввела гостя в дом. Белые стены сверкали, как зеркала. В окна влезали, словно чего ища, ветви дикой яблони.

Циновки, столы, сиденья - все блистало, сверкало чистотой. Только что Ван уселся, как кто-то стал на него украдкой поглядывать в окно. Старуха крикнула:

- Сяо Жун, скорее готовь кашу.

Служанка за стеной издала ответный крик. Ван сидел и подробно рассказывал, кто он, кому и кем приходится. Старуха спрашивает его:

- Вашего деда по матери не была ли фамилия У?

- Да!

Старуха изумилась и промолвила:

- Да вы ведь мой племянник. Ваша мать - моя сестра. Сколько лет уже, как мы друг о друге ничего не знаем! Это потому, что мы бедны, да и в доме нет подростка-мальчика... А ты, племянник, вот уже какой вырос, я и не признала тебя!

- Да я к вам ведь и шел, тетя, - сказал студент, - но, знаете, второпях забыл вашу фамилию.

- Фамилия твоей старухи - Цинь. У меня детей нет. Есть, правда, нежное существо, да и то не от меня, а от другой. Ее мать вышла снова замуж, а ее оставила мне на воспитание. Она очень не глупа, но не совсем-то воспитана: только и знает, что беззаботно веселится. Вот сейчас я пошлю за ней, пусть придет тебя приветствовать.

Через некоторое время прислуга изготовила и внесла пищу: оказались цыплята, в горсточку величиной. Старуха угощала студента. Когда кончили и прислуга пришла убрать посуду, старуха сказала ей:

- Позови сюда барышню Ин.

Прислуга вышла. Прошло довольно много времени. Ван слышит, что за дверью кто-то тихо смеется. Старуха говорит:

- Ин Нин, здесь сын твоей тетки.

За дверями не прекращались взрывы смеха. Служанка втолкнула барышню в комнату, а та, зажав рот, безостановочно смеялась. Старуха посмотрела на нее сердито.

- Здесь гость! Что за манера смеяться, захлебываясь, хи-хи-хи да ха-ха-ха?

Девушка стояла, сдерживая смех. Студент сказал приветствие. Старуха представила его:

- Это господин Ван, сын твоей тетки. Одной семьи, а друг друга не знаем! Не смешно ли?

Студент спросил, сколько сестрице лет. Старуха не разобрала. Студент повторил, а девушка так и смеялась вовсю, не могла даже головы поднять и смотреть прямо. Старуха продолжала:

- Я сказала ведь, что она мало воспитана: вот и видно. Уже шестнадцать лет, а глупенькая, словно младенец!

- Она моложе меня на год, - сказал студент.

- А тебе, значит, семнадцать,- отвечала старуха. - Ты не родился ли в год гэн-у и не под «конем» ли ты?

Ван кивнул головой утвердительно. Тогда старуха опять спросила:

- Кто твоя жена?

- Нет у меня жены!

- Как? При таких способностях и при такой красоте, в семнадцать лет человек еще не имеет жены! Смотри, у Ин Нин тоже нет своей семьи. Как вы прекрасно друг другу подходите! Жаль, что для брака есть запрет, касающийся близких родственников.

Студент молчал, уставив взоры на Ин Нин, весь поглощенный ею. Служанка шепнула барышне:

- Глаза так и сверкают: разбойничий вид, как и прежде!

Ин Нин громко рассмеялась и сказала служанке:

- Посмотри, не распустился ли голубой персик.

Быстро поднялась и, закрывая себе лицо рукавом, засеменила мелкими шажками к выходу. Дойдя до дверей, она смеялась уже без всякого удержу. Старуха тоже встала, велела служанке сделать для студента постель и сказала ему:

- Милый племянничек, тебе ведь нелегко было сюда прийти. Так ты остался бы у нас на три-четыре дня, а мы потом, не торопясь, проводим тебя. Если тебе не нравится, скучно и пусто здесь у меня, то за домом есть садик, где ты можешь гулять и развлекаться. Есть и книги для чтения.

На следующий день студент пошел в сад за домом - маленький садик, так в половину му, весь покрытый, точно ковром, нежным пухом: цвет ивы устилал все его дорожки. В саду был павильон в три маленьких комнатки, весь скрытый цветущими деревьями. Ван тихо шагал, пробираясь сквозь цветы, и вдруг слышит чей-то журчащий с дерева смех. Поднял голову: оказывается, это сидит Ин Нин. Как только увидела студента, захохотала, как сумасшедшая, чуть не свалилась с дерева. Студент крикнул:

- Не надо, упадешь!

Девушка стала спускаться с дерева, все время неудержимо смеясь, и, уже почти спустившись наземь, действительно сорвалась и упала. Смех прекратился. Студент, поддерживая ее, тайком пожал ей руку у локотка. Девушка опять стала смеяться, прислонясь к дереву, не в силах идти. Прошло довольно много времени, прежде чем прекратился ее смех. Студент дождался, когда она перестала хохотать, и тогда вынул из рукава цветок и показал ей. Ин Нин взяла цветок и сказала:

- Засох! К чему его беречь?

- Ты, сестрица, обронила его в праздник первой луны - вот я и берегу его.

- Какой же смысл беречь?

- Чтобы показать, что я тебя люблю, не забываю. С тех пор как я встретил тебя на празднике, все мысли мои остановились на тебе, и я захворал. Я

уже приговорил себя к превращению в странное создание и не чаял увидеть твое лицо, твою красоту. Как счастлив я, что ты удостоила меня своей лаской и жалостью!

- Ну, это ведь сущие пустяки! Ты ведь пришел к родным, так разве нам чего-нибудь для тебя жаль? Когда будешь отправляться, надо будет позвать прислугу и велеть ей нарвать тебе из нашего сада огромный букет, нагрузить тебя и проводить.

- Сестрица, ты глупенькая, что ли?

- Почему вдруг я стала глупа?

- Да ведь я не цветок люблю, а ту, которая этот цветок держала.

- Разве нужно еще говорить о чувстве к родственнице?

- Любовь, о которой говорю я, вовсе не любовь брата к сестре, а любовь мужа к жене.

- А есть разница?

- Ночью быть на одной постели, спать на одной подушке - вот что.

Девушка, опустив голову, довольно долго думала и проговорила:

- Я не привыкла спать с незнакомыми людьми...

Не успела она это проговорить, как незаметно подошла прислуга, и студент, испугавшись, быстро убежал. Вскоре после этого собрались у старухи, которая спросила Ин Нин, где она была, на что та отвечала: «Я разговаривала с Ваном в саду». Старуха ворчала:

- Обед давно уже готов. О чем там было так долго болтать?

- Да вот, братец хочет со мной вместе спать...

Не успела она проговорить это, как студент в ужасе стал делать ей страшные глаза. Девушка слегка улыбнулась и остановилась. К счастью, старуха не слыхала, а когда она начала подробно расспрашивать, студент сейчас же замял дело, говоря о чем-то другом. Затем он вполголоса стал упрекать девушку, а она ему на это:

- Значит, эти слова не следует говорить, так, что ли?

- Это говорится, - сказал ей студент, - за спиной у людей.

- Так это за спиной у посторонних людей. Как же можно говорить за спиной у мамы? Да ведь и спальня-то - самое обыкновенное, житейское дело; почему о нем нельзя говорить?

Студент, досадуя на ее наивность, не находил способа вразумить ее.

Только что они кончили обедать, как из дома пришли за студентом и привели двух ослов. Дело было так. Мать, поджидая его и не дождавшись, встревожилась и стала искать по всей деревне, но никаких следов сына не обнаружила. Она пошла к У, тот вспомнил о своих словах и велел ей идти поискать сына в юго-западные горы, и вот люди, пройдя несколько сел, добрались сюда. Студент вышел из ворот, встретил пришедших, а затем вернулся и стал просить у старухи позволения отправиться домой вместе с девушкой. Старуха обрадовалась.

- Я хотела сама к вам пойти, - говорила она, - и не теперь, а давно уже, но по дряхлости своей не могу далеко ходить. Если можешь взять с собой сестру, чтобы представить ее тетке, то отлично - бери.

Позвали Ин Нин. Та пришла, смеясь.

- Что за радость у тебя, что смеешься, - ворчала старуха. - Как начнет смеяться, так и не унять. А ведь если бы не смеялась, то была бы, наверное, прямо-таки совершенством.

Посмотрела на нее сердито и продолжала:

- Твой старший брат хочет идти вместе с тобой. Изволь сейчас же собраться и сложить свои вещи.

Затем накормила, напоила пришедших за Ваном людей и, провожая их обоих, наказывала девушке:

- У твоей тетки земли и добра вполне достаточно, так что лишнего человека она прокормить может. К ним придешь, так и не возвращайся. Получись немного грамоте и приличию, хорошенько служи старухе тетке. Пусть она возьмет на себя труд подыскать тебе хорошую пару.

Молодые люди отправились, дошли до границы гор, обернулись, и им казалось, что старуха, стоя у ворот, все еще смотрит на север, вослед им.

Когда прибыли домой, мать студента, увидя красавицу, с удивлением спросила, кто это. Студент сказал, что это дочь тетки.

- Как? - удивилась мать. - Ведь то, что тебе говорил У, был вздор. У меня нет сестер. Как же ты можешь быть племянником?

Спросили девицу; та отвечала:

- Я не от этой матери. Мой отец был по фамилии Цинь. Когда он умер, я была еще в пеленках и потому не помню его.

- Это правда, - согласилась мать, - у меня была сестра замужем за неким Цинь, но умерла она уж очень давно; как же она может еще существовать?

Тут она стала внимательно расспрашивать о приметах сестры - ее лице, родинках и прочем. Все оказалось в полном соответствии. И мать снова с изумлением повторяла:

- Да, конечно, правильно. И все-таки она давным-давно умерла... Как может быть, что она еще жива?

Пока они недоумевали и рассуждали, пришел У. Девица убежала в дом. У расспросил обо всем и, узнав, долго молчал в полном недоумении, потом вдруг спросил:

- А что, эту девицу не зовут ли Ин Нин?

- Да, да,- сказал студент.

У стал громко выражать свое крайнее изумление. Когда его спросили, откуда знает ее имя, то он рассказал следующее:

- Когда умерла тетка Цинь, ее муж жил вдовцом и подвергся наваждению лисы, от которого захворал сухоткой и умер. Лиса же родила девочку, по имени Ин Нин. Она лежала в пеленках на кровати, и все домашние ее видели. Когда Цинь умер, то лиса все еще время от времени приходила. Впо-

следствии достали талисманские письма Небесного Учителя и расклеили по стенам. Тогда лиса ушла, забрав с собой и дочь. Это уж не она ли самая?

Стали снова удивляться, догадываться, а из дома только и слышно было, что захлебывающийся смех Ин Нин. Мать сказала.

- Эта девица все-таки очень глупа.

У просил разрешения повидать ее лично. Мать ввела его в дом, где дева захлебывалась смехом, не обращая на них внимания. Мать велела ей выйти, и тогда она, напрягая все силы, постаралась сдержать смех, повернулась к стене и все-таки долго не выходила. Потом, только что вышла и еле-еле раскланялась, как быстро повернулась и ушла обратно в комнаты, где опять засмеялась раскатистым, безудержным смехом. И все женщины, что были в доме, глядя на нее, открывали рты и тоже смеялись. У попросил разрешения пойти и посмотреть на лисьи чудеса, став для этого сватом. Когда он пришел на то место, где должна была находиться деревня, то никаких домов не нашел, были только горные цветы, и те уже опадали. Он вспомнил, где была схоронена его тетка, и ему показалось, что это как будто неподалеку отсюда, но могильный холм зарос, сровнялся с землей, и никаких сил не было его распознать. Поехал в досаде - с тем и вернулся. Мать Вана, подозревая, что Ин Нин - бес, вошла к ней и рассказала, что слышала от У. Девица несколько не изумилась. Даже когда мать пожалела, что она теперь бездомная, она не выказала никакого горя, а только хихикала. Все терялись и ничего не могли понять. Мать велела ей спать с младшей дочерью. И вот она рано утром стала приходить к матери здороваться и спрашивать, хорошо ли та поживала. Ее рукоделия были совершенно исключительны по работе, удивительно ловки и тонки. Только и было в ней странного, что она любила неутомимо смеяться: несмотря на запрещения, она, видимо, не имела сил сдерживать себя. Однако смеялась она грациозно. Бывало, бешено захохочет, а лица ее это не портит. Все ее очень полюбили, а соседки - и девицы и замужние - наперебой старались ей угодить и понравиться.

Мать Вана выбрала счастливый день и уже готова была сочетать молодых, но все еще боялась, что девушка эта - бесовское отродье. Как-то раз она незаметно стала рассматривать Ин Нин против солнца - оказалось, что в ее теле и ее тени не было ничего особенного. Когда настал избранный день, она велела ей одеться в самое красивое платье и исполнить церемонии, требуемые от молодой жены, но девушка покатывалась со смеху и не могла делать никаких обрядовых движений. Пришлось прекратить церемонию. Студент стал бояться, как бы она, по своей глупости, не разболтала про тайные дела их спальни, но она оказалась тут весьма серьезной и хранила секреты, не проронив ни слова. Бывало, мать рассердится, но стоит только молодой засмеяться, как гнев исчезнет. Если случалось, что служанка в чем-либо провинится, то, боясь розог и плетки, просила ее пойти поговорить со старухой. Затем приходила виноватая - и всегда бывала прощена.

Молодая любила цветы до безумия, разыскивая их повсюду, у родных и знакомых. Даже тайком тащила в ломбард золотые булавки, чтобы только купить еще каких-нибудь красивых цветов. И вот в течение нескольких месяцев крыльцо, ступени, заборы, даже ретирады оказались сплошь в цветах.

За домом росла роза мусян, у самой стены соседнего дома. Ин Нин часто влезала на это дерево, рвала розы и, любуясь ими, закалывала их себе в волосы. Старуха, если видела это, всегда бранилась, но молодая не слушалась. Вот однажды соседский сын увидел ее, пристально уставился и совсем потерял голову. Ин Нин и не подумала убежать, сидела и смеялась. Тот решил, что ее мысли уже с ним, и еще более распалился. Она указала ему на место под стеной и, смеясь, слезла, тот понял, что она назначает ему свидание, страшно обрадовался и, как только стемнело, направился туда. Оказалось, что женщина уже там. Подошел к ней, схватил и начал блудить. И вдруг - в скрытом месте он почувствовал словно укол шила, - боль проникла в самое сердце. Громко закричал и свалился наземь. Вглядкуеуелся хорошенько: это вовсе и не женщина, а сухое дерево, валяющееся у стены; а то, к

чему он прижался, оказалось дырой дождевого желоба. На крики быстро прибежал его отец и стал спрашивать, но сын лишь стонал, ничего не отвечая, и только когда пришла жена, рассказал ей все, как было. Зажгли огонь, осветили дыру - смотрят: в ней сидит огромный скорпион, величиной с не-большого краба. Старик отломил кусок дерева, убил скорпиона, поднял сына и унес его на себе домой. В полночь сын умер. Старик подал на Вана жалобу, в которой разоблачил все дьявольские причуды и странности Ин Нин. Начальник уезда, относившийся всегда с уважением к талантам Вана, отлично знал его как солидного и степенного ученого; он решил, что сосед его оклеветал, и уже велел дать тому палок, но Ван упрямил начальника освободить старика от наказания, и того отпустили домой. Старуха сказала Ин Нин:

- Послушай, глупая, послушай, сумасшедшая! Ведь я давно уже знала, что в твоей безмерной веселости таится горе. Хорошо, что теперешний начальник - такой светлый ум, и мы, слава богу, не попались в кашу, а представь себе на его месте дурака: тот непременно потащил бы нас, женщин, в свидетельницы, и тогда с каким лицом было бы сыну моему показаться к родным и в селе?

Ин Нин с серьезным видом поклялась, что больше не будет смеяться.

- Нет таких людей, - возразила старуха, - которые бы не смеялись...

Только надо время знать.

Однако Ин Нин с этих пор совсем уж больше не смеялась, даже когда ее дразнили и вызывали. Тем не менее целый день ни на минуту не становилась грустной.

Однажды вечером, сидя с мужем, она вдруг заплакала; слезы так и за-капали у нее из глаз. Тот удивился, а она, всхлипывая, говорила ему:

- Раньше я не говорила тебе об этом, боясь испугать, да и жила я с тобой еще слишком мало времени. Теперь же я вижу, что ты и твоя мать оба любите меня даже слишком, и совершенно меня не чураетесь, значит высказать все напрямик, пожалуй, беды не будет. Я действительно лисьей породы.

Перед тем как умереть, моя мать отдала меня матери-бесу, у которой я и жила более десяти лет. И вот теперь, когда у меня нет братьев и когда вся моя надежда только на тебя, я скажу, что моя мать осталась лежать в горах; над ней некому сжалиться, чтобы похоронить ее вместе с отцом моим; в могиле царят горе и досада. Если бы ты не пожалел хлопот и затрат, то, может быть, велел бы нашим слугам покончить с этой обидой, и тогда все, когда-либо воспитывавшие девочек, не допустили бы более, чтобы их бросали и топили.

Студент согласился, но выразил опасение, что могила затерялась в густых зарослях травы и отыскать ее будет трудно. Жена сказала ему, чтобы он не беспокоился. И вот в назначенный день муж с женой повезли гроб на могилу, которую Ин Нин быстро нашла среди путаных чащоб и падей. Действительно, там оказался труп старухи, еще с остатками кожи. С плачем и причитаниями положила она труп в гроб и повезла к могиле отца, где и погребла мать с ним вместе. В эту самую ночь студент видел во сне старуху лису, которая пришла благодарить. Проснулся и рассказал сон жене, а та сказала, что она с лисой даже виделась этой самой ночью, но старуха не велела ей пугать мужа. Студент выразил досаду, зачем она не оставила старуху дома. Ин Нин сказала:

- Она ведь бес, а здесь много живых людей и царит земной дух. Разве можно ей тут долго жить? Ван спросил про Сяо Жун.

- Она тоже лиса, - сказала жена, - и очень способная, понятливая. Моя мать-лиса оставила ее, чтобы смотреть за мной. Она, бывало, соберет плодов или еще чего и кормит меня: вот я ее и ценила, жила с ней душа в душу. Вчера я спросила мать о ней: оказывается, она уже замужем.

После этого каждый год, в тот день, когда едят холодное муж и жена шли на могилу Цин, ей отбивали поклоны и прибирали могилу.

Через год Ин Нин родила сына, который еще грудным ребенком не боялся незнакомых людей. Увидит кого сейчас смеется: много, видно, было в нем материнского.

Послесловие рассказчика

Мы видели, как девушка заливалась глупым смехом, и казалось, не правда ли, что в ней нет ни сердца, ни души. Однако устроить у стены такую злую штуку, кто мог бы умнее ее? Опять же так любить и жалеть свою мать!.. Быть бесовской породы и вдруг перестать смеяться, даже наоборот - заплакать... Да, наша Ии Нин - уж не отшельник ли, скрывшийся в смехе?

Я слышал, что в горах есть трава, называемая «смейся!» Кто ее понюхает - смеется так, что не может остановиться. Вот этой бы травки да в наши спальни! Тогда поблекла бы слава знаменитых трав «радость супружеская» и «забвение неприятностей». А этот наш «цветок, понимающий слова», - хо-рош, конечно, - но, право, досадно, что он вечно кокетничает.